

Слбл

L. 13. 1-4.

Слбгу

С 17617

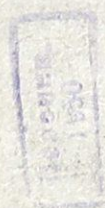
СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ
13. 1. СТУДЕНТОВЪ 13. 1.

ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковского
Университета, чинанья 1819 года

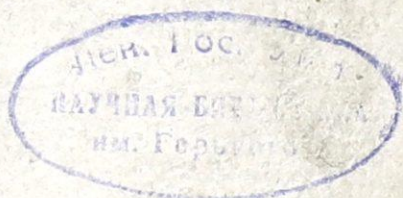
Юня 30 числа по окончаніи экза-
меновъ ихъ.

56758-56761.
19795-85795

СЛБГУ

ВЪ ХАРЬКОВЪ,
Въ Университетской Типографіи.
1820 года.

Съ дозволенія Цензуры.

1. Нравственность безъ истинной вѣры не существуетъ.

Студента Иларіона Трощинскаго.

Человѣкъ съ самаго начала стремится за чувственными удовольствіями, полагая въ оныхъ все свое благополучіе; но послѣ, когда начинаетъ мало по малу ушихать стремленіе страстей, и на мѣсто ихъ беретъ владычество разумъ, тогда онъ увѣряется въ непрочности таковыхъ благъ, а ищетъ шѣхъ, которыя не только могли бы замѣнить чувственные удовольствія, но и питали бы его душу, утверждали бы въ нравственности, и направляли бы его къ благороднѣйшей цѣли. Но кто въ силахъ дать разуму нашему такое владычество надъ страстями; какая сила можетъ довести человѣка до высокой нравственности? Спасительный и единственный сего источникъ есть истинная вѣра, безъ которой нравственность не существуетъ.

Вѣра есть приношеніе Богу молитвъ, какъ наружными, такъ и внутренними знаками; любовь къ Богу, питаемая внутренними чувствами, должна быть нераздѣльна со внѣшними: ибо дѣянія наружныя бываютъ всѣми видами, всѣмъ служатъ примѣромъ, и часто подвергаются всеобщему осужденію, еслии онѣ противны постановленнымъ правиламъ; Христь

сказаль: „опъ дѣль вашихъ познають васъ.“, И такъ вѣра въ разсужденіи любви и прославленія Бога пребуешь какъ бы нѣкоего сліянія сердца съ душою, или внѣшняго міра съ духовнымъ.

Вѣра научаетъ познавать насъ неизчерпаемая милости Божіи, отеческую Его любовь къ роду человѣческому, и заставляеть насъ слѣдовать Святой Его волѣ; она показываетъ Бога какъ существо все совершеннѣйшее, предъ которымъ должно намъ унижаться слабыми своими умами — какъ благо, частію коего и мы наслаждаемся исполняя Его законы — какъ пространство, неимѣющее границъ ни себѣ ни своему могуществу — какъ свѣтъ, освѣщающій все видимое и невидимое, и какъ чистѣйшій разумъ безъ всякой примѣси чувственности. И такъ, человѣкъ напечатлѣвшій на сердцѣ своемъ вѣру можетъ ли безъ шрепета и нѣкоего священнаго ужаса взирать на Всемогущество Божіе; можетъ ли вооружаться противъ тѣхъ премудрыхъ внушеній вѣры, которыми самъ Богъ ниспослаль для блага человѣка? Онъ имъ послѣдуетъ, и въ умиленіи сердечномъ будешь возноситься духомъ къ престолу Вышняго. Таковое стремленіе души есть первая жертва Богу: никакія наружныя изьявленія благодарности, никакія приношенія жертвъ, не могутъ быть такъ чисты и истинны и такъ пріятны Богу, какъ мысленное къ Нему возношеніе: — Въ сердцѣ швоемъ, смершній, воздвигни престоль, гдѣ бы безпрестанно курился еиміамъ признашельности ко Всевышнему! — Изъ сего видно, что вѣра есть источникъ нравственности; ибо, что человѣку можетъ быть пріятнѣе и величественнѣе, какъ научаться изъ сего источника Божественнымъ произведеніямъ, черпашъ изъ него то, что

есть священнѣйшаго, лучшаго и прочнѣйшаго для его сердца? О человѣкъ! напаяй душу изъ сего источника, и слѣдуй прямо по стезѣ вѣры: — она доведетъ тебя до вѣчнаго блаженства.

Вѣра налагаетъ на человѣка самыя священныя обязанности: любить Бога, любить ближняго есть первый ея законъ — законъ подтвержденный божественною нравственностію Христа Спасителя. Изъ сего закона почерпаетъ человѣкъ правила для мирнаго и щастливаго житія своего. — Съ вѣрою родился союзъ дружества, и произвели всѣ добродѣтели какъ семейственныя, такъ и гражданскія, которыя служатъ твердѣйшею опорой общества. Съ нею исчезли тѣ грубые нравы, кои уподобляли человѣка безмысленному животному, и которые до такой иногда степени жестокости простирались, что каждый не иначе о себѣ думалъ, какъ о самовластномъ, независимомъ, неподлежащемъ никакимъ законамъ, словомъ сказать, какъ о лицѣ дѣйствующемъ по произволѣнїю, но есть такомъ, котораго воля, всегда во зло употребляемая, зависѣла отъ него самаго: они, забывъ гласъ природы, гласъ чувствительности, вооружались другъ противу друга. Съ вѣрою же человѣкъ хотя также дѣствуетъ свободно, но сію свободу подчиняетъ онъ закону, начертанному въ ея правилахъ: нравственность, вдохновенная вѣрою руководитъ его; нравственность — сія неуклонная сопутница вѣры, заключаетъ волю человѣческую въ тѣсныя границы: единая мысль, а не учиненное еще зло, есть уже преступленіе; нравственность, сей плодъ вѣры, тогда неизвѣстна была, когда люди были руководимы спростями; нравственность есть первое достоинство человѣка и истинное достиже-

нѣ просвѣщенія ума текущаго отъ свѣта вѣры; и наконецъ нравственность есть основаніе всѣхъ добродѣтелей; а по сему безъ вѣры нѣтъ нравственности, безъ нравственности нѣтъ добродѣтели, безъ добродѣтели же — или что все равно — безъ вѣры человѣкъ есть твореніе подобное безсмысленному, но отличяющееся только даромъ слова, которымъ онъ еще болѣе неистовствуетъ, — твореніе рожденное для перенесенія всѣхъ бѣдствій и несчастій, угнетаемое настоящимъ, непишающее отрады въ будущемъ, безпрестанно терзаемое душевнымъ безпокойствомъ, и послѣ умирающее въ мукахъ, какъ всякая жалкая тварь, не ожидая предназначенной цѣли.

Итакъ, Богъ по особеннымъ милостямъ, по неизчерпаемымъ щедротамъ, видя человѣка какъ превосходнѣйшее твореніе на земли, поработеннаго неистовству страстей и всѣмъ бѣдствіямъ отъ нихъ производящимъ, угнетеннаго невѣжествомъ, которое зашлѣвало его разумъ и унижало до скота, — Богъ — сей вѣчно неизчерпаемый источникъ благъ, послалъ на землю Единороднаго Сына Своего для искупленія человѣковъ отъ грѣховъ бременившихъ ихъ; Онъ послалъ — дабы въ семь посланникѣ видѣли своего избавителя, основателя вѣры и всего счастья человѣческаго, прославляли бы Его имя и славу Его вмѣстѣ съ божественными произведеніями, на которыхъ основано блаженство человѣческаго рода, передавали бы изъ потомства въ потомство. Отъ того только времени началась достопамятная эпоха нравовъ человѣческихъ: тогда каждый позналъ необходимость въ просвѣщеніи божественномъ; каждый тогда почувствовалъ свое истинное отличіе отъ прочихъ животныхъ; каждый съ радостію прилѣпалъ-

ся къ вѣрѣ; каждый, съ распростертыми объятіями, со всею пламеннымъ желаніемъ души, съ сердечнымъ чувствомъ благоговѣнія, шествовалъ по стопамъ ея, по стопамъ Создателя и Просвѣтителя умовъ, и наконецъ каждый истинно прилѣпившійся къ вѣрѣ подражалъ нравственности Спасителя, и съ ревностію исполнялъ святыя Его законы.

Но какое различіе мы видимъ въ тѣхъ, кои не послѣдовали Христу, предпочтя Ему кого-либо другаго, который примѣняясь къ необузданнымъ ихъ нравамъ распочилъ свои поученія основанныя на истиннѣ! ложь самая грубая, самая постыдная составляла основаніе ученія Его; — такова Религія Магомеданская: въ будущей жизни общаешь то, что не только Богу противно, но и съ человѣческимъ разумомъ несовмѣстно. Отъ сего-то самаго сколь они далеки отъ того просвѣщенія ума и утвержденія въ благородной нравственности, которыя мы видимъ въ истинномъ Христіанинѣ.

Но представимъ тѣ времена, когда боги баснословные, вымышленные, заступали мѣсто религіи, мѣсто истиннаго Бога, и спанемъ сравнивать основаніе того богопочитанія и Христіанскаго — то сколь великое различіе увидимъ! — Сіе постыдное, сіе унизительное для человѣческаго разума изобрѣшеніе боговъ, неестли заблужденіе ума? какая можетъ быть нравственность у человѣка поклоняющагося такому божеству, которое выдуманно для воодушевленія пороковъ — дабы болѣе льстить страстямъ, побуждать ихъ къ тому, что есть пріятнѣйшаго, хотя противнаго разсудку, и склонять ко всему тому, что только страсти произвести могутъ; „праздновать ра пушства Юпитеровы, поклоняясь безстыд-

„ной Венерѣ, совершенно противно челоѣку (гово-
„ришь одинъ славный Писатель) не только съ здра-
„вымъ и просвѣщеннымъ разумомъ въ наши времена,
„но даже самому послѣднему, хотя мало имѣющему
„понятіе о Христіанствѣ, покажется невѣжествомъ,
„безбожіемъ.„ Изъ сего видно, что одна только вѣра
Христіанская можетъ ушвердить челоѣка въ нрав-
ственности, и она одна только можетъ доставить
ему истинное и неотъемлемое счастье.

Оканчивая сіе краткое мое разсужденіе я весьма
далекъ отъ мысли, что удовлетворилъ Почтеннѣй-
шимъ П. П. говоря о семъ важнѣйшемъ предметѣ;
юный, едва возникающій, разсудокъ мой слишкомъ
слабъ для того: но бывъ пораженъ мудростію и ве-
личіемъ Теорца вѣры, и истинно къ ней привязанъ,
я осмѣлился говорить о Ея спасительной цѣли и та-
ковомъ же дѣйствіи на нравственность и блаженство
челоѣка!

II. Разборъ Цицеронова разсужденія о должностяхъ съ прилъненіемъ она- го къ высокой нравственности Хри- стіанскаго ученія.

*Студента Левицкаго (переводъ съ Французскаго, со-
чиненіе Профессора Паки де Созиньи).*

Приступая къ разбору Цицеронова сочиненія о должностяхъ, — водимый пламенникомъ откровенія, которой не освѣщала народовъ древнихъ, возхищенный къ добродѣтели нравственностію вышею той, какой учили Философы отдаленныхъ временъ, нравственностію, которая сіяетъ ярчайшимъ блескомъ въ нашихъ Священныхъ книгахъ, я постараюсь доказать неоспоримымъ образомъ, что первое понятіе, которое всякой долженъ глубоко запечатлѣть въ своемъ умѣ, есть понятіе о Богѣ — Творцѣ и Хранителѣ вселенной. Увѣренность въ сей великой истинѣ не только составляетъ первую обязанность человѣка, но сверхъ того она есть незыблемое основаніе всѣхъ добродѣтелей нашихъ въ отношеніи къ другимъ; она есть единственной источникъ сего душевнаго спокойствія, въ коемъ состоить драгоцѣннѣйшее благо жизни.

Одинъ славный писатель говоритъ: высокое понятіе о Богѣ — Творцѣ и Хранителѣ вселенной, называющемъ пороки и награждающемъ добродѣтели, бу-

дешъ всегда напечатлѣно въ моемъ сердцѣ неизгладимыми чертами; я всегда буду представлять себѣ (хотя это еще случилось въ самой нѣжной юности моей) потъ достопамятной день, — въ который отецъ мой показывая мнѣ солнце и обширное пространство небесъ, въ первой разъ началъ мнѣ говорить о бытїи сего верховнаго Существа, о Его величїи, о Его могуществѣ, и возродилъ въ душѣ моей, столько же умиленной какъ и удивленной, первыя благоговѣнья чувства. Тогда-то открывъ моему взору чудеса природы онъ сказалъ, сжимая меня въ своихъ объятїяхъ: о сынъ мой! будь утѣшенїемъ мнѣ и твоей матери почитая всегда во глубинѣ сердца сей высочайшїй умъ, который благоволилъ вывести тебя изъ ничтожества, и призвать къ сей жизни. . . . Вѣрь мнѣ: врагъ неба всегда злощастенъ; убѣгай его не преслѣдуя, и спрашивъ возмущительныхъ правилъ его ученїя болѣе самой смерти.

Зрѣлице природы, столь живое, столь одушевленное для тѣхъ, кои признають сїи истинны, мертво въ глазахъ безбожника; и въ сей великой гармонїи существъ, гдѣ все говоритъ о Богѣ — столь крошкимъ и столь убѣдительнымъ образомъ — несчастный въ своемъ ожесточенїи и невѣрїи находитъ только вѣчное безмолвіе. Безбожникъ дѣлаетъ столько же виновныя, какъ и слабыя, усилїя, дабы снятъ обуздывающїя вожди съ могущественной злобы, и лишитъ утѣшенїя несчастную д бродѣшель.

Читайте наши священныя книги, созерцайте законы всеобщей гармонїи, воззрите на сїю возхитительную картину: вы увидите правильность въ раздѣленїи міровъ, правильность въ раздѣленїи тѣлъ небесныхъ, соединенїе воли всѣхъ въ благоустроен-

номъ обществѣ, соединеніе всѣхъ движеній въ душѣ добродѣтельнаго, всѣ существа прудящіяся для сохраненія порядка, и порядокъ — сохраняющій Вселенную въ малѣйшихъ ея частяхъ; вы увидите единого Бога начертавшаго сей высокой планъ, и людей, кои по своимъ добродѣтелямъ назначены быть Его служителями и споспѣшниками. Ни одна система не заключала въ себѣ болѣе ума, ничто не могло возродить высшаго понятія о величїи и достоинствѣ человѣка. Прославимъ мудрость Творца являющуюся въ Его творенїяхъ. По красотѣ предметовъ видимыхъ станемъ судить, сколь онъ прекрасенъ; по величїю тѣлъ чувственныхъ и ограниченныхъ уразумѣемъ, сколь онъ великъ, безконеченъ, превышаетъ всякаго нашего понятія о Его могуществѣ.

Престоль Его есть небо, Его жертвенникъ земля. Что есть невидимаго въ Богѣ, то съ сотворенїемъ міра сдѣлалось видимымъ, чрезъ познаніе доставляемое намъ Его творенїями. Такъ священныя наши книги, которыя суть драгоценныя хранилища Его божественнаго слова, земля, воздухъ, небо, вода, день, ночь — всѣ видимые предметы открываютъ и напоминаютъ понятію о нашемъ Благодѣшителѣ — Вѣчный есть Его имя, міръ есть Его твореніе.

Человѣкъ сотворенный и поставленный въ мірѣ отъ Бога, во всѣхъ своихъ дѣйствїяхъ, какой бы ни былъ родъ его жизни, долженъ предполагать себѣ извѣстную цѣль, которая стремилась бы къ общей цѣли — *счастїю*. Но не богатства, не почести, не власть и не красота дѣлаютъ человѣка истинно — счастливымъ; сколько разъ мы узнавали изъ опыта, что сїи кажущіяся блага, коихъ человѣкъ ищетъ съ такою жадностїю, часто были для него болѣе пагуб-

мы нежели полезны. Дѣйствительно щастливый человекъ есть тотъ, которой, умѣя опличать истинныя блага отъ кажущихся, въ добромъ дѣлѣ полагаетъ свое удовольствіе; душа его свободна отъ угрызений и соблазновъ, кои волнуютъ душу порочнаго и злаго человекъ; онъ щастливъ воспоминаніемъ добра имъ сдѣланнаго, и надеждою того, которое онъ еще можетъ сдѣлать, сожалея о потерѣ одного дня, одного часа, одной минушкы, въ которые не могъ быть полезенъ человечеству; онъ говоритъ самому себѣ, какъ говорилъ нѣкогда оный добродѣтельный Императоръ (Тимъ): о какъ я несчастенъ! — нынѣшній день для меня потерянь! *hodie perdididi diem!* Онъ наслаждается собственнымъ уваженіемъ, будучи уважаемъ отъ другихъ; кажется, онъ дѣйствуетъ для нихъ только, и охотно уступитъ имъ самыя блистательныя должности, если увѣрится, что они лучше его могутъ ихъ исполнять. Онъ хочетъ быть всегда полезнымъ человечеству; вся его жизнь состоитъ изъ дѣйствій, и всѣ его дѣйствія рождаются отъ какихъ нибудь частныхъ добродѣтелей; и такъ онъ обладаетъ совершеннымъ щастіемъ, которое есть рядъ дѣйствій сообразныхъ съ добродѣтелью. Но ежели истинное щастіе состоитъ въ исполненіи, то, поелику добродѣтель есть прекраснѣйшее, наилучшее и совершеннѣйшее въ природѣ, человекъ не иначе можетъ имѣть успѣхъ въ изученіи оной во всемъ ея совершенствѣ, величїи и красотѣ, какъ познавая весь кругъ своихъ обязанностей къ Богу, къ самому себѣ и къ ближнимъ; — гдѣже онъ почерпнетъ высокое познаніе сихъ обязанностей, какъ не въ Священныхъ книгахъ, хранилищахъ божественнаго слова? тамъ онъ научится воздавать Богу Божіе, Кесарю Кеса-

жево и челоѡкѡу челоѡѡческоѡ. Изъ Евангелїя истинной Христїанинѡ научишя соорбазоватѡ свою жизнь съ жизнїю Сына Божїя, которїй сдѡлавшисѡ челоѡкомѡ сдѡлался его примѡромѡ.

Но естѡли божественныя правила относительно обязанности челоѡка открыты намѡ и явственнo представлены въ нашихъ Священныхъ книгахъ, то не должно ли удивляшяся, что философы язычники, каковы были *Платонѡ*, *Цицеронѡ*, — лишенные тогда свѡшительника окрoвенїя, и руководствуясь въ своихъ сужденїяхъ простымъ разумомѡ, задолго еще до пришествїя Мессїи научали людей познаватѡ обязанности, которыя каждой честной челоѡкѡ должны исполняшя, если хочетъ быть щастливымѡ въ семь мїрѡ. Ограничиваясь здѡсь сочиненїемъ *Цицерона* о должностяхъ, которое (въ ряду книгъ классическихъ) составляетъ одно изъ прекраснѡйшихъ разсужденїй о нравственности, я намѡренѡ сдѡлатѡ (придерживаясь подлинника) краткой разборъ оныхъ для нашего наставленїя и пользы.

Челоѡкѡ не долженѡ никогда забывать своего достоинства; въ своемъ нравѡ, въ своемъ образѡ жизни, онѡ долженѡ почитатѡ тошъ высокой омпечашоки, которой омпичаетѡ его омпъ животныхъ, одаренныхъ тошлько одними чувствами: онѡ долженѡ соорбазоватѡ всѡ омпношенїя, кой привязываютѡ его къ обществу; изъ сихъ омпношенїй долженѡ выводитѡ свои обязанности, и исполняшя ихъ, дабы наслаждашяся на землѡ истиннымѡ щастїемѡ, которое естѡ цѡль всѡхъ его дѡйствїй.

Обязанность совокупляетѡ въ себѡ честное и полезное; сїи два свойства обязанности или должности омпличаютѡся тошлько по одному ихъ поняшїю, въ

самой же сущности онѣ нераздѣлимы. Все что честно, есть существенно полезно, и ничто не можетъ быть истинно полезно, если оно не есть въ то же время и честно. Честность, говоритъ намъ Цицеронъ, произтекаетъ изъ четырехъ источниковъ, кои суть: *благоразуміе, правосудіе, твердость души и умѣренность.*

Мудрость или благоразуміе.

Благоразуміе состоитъ въ умѣннн опредѣлять истинную цѣну каждой вещи: оно предполагаетъ достаточныя познанія, а по сему ихъ должно приобретать: невѣжество и заблужденіе постыдны и опасны.

Правосудіе.

Правосудіе воздастъ каждому должное. Оно заключаетъ въ себѣ двѣ обязанности: первая не дѣлать ни кому вреда, вторая оказывать другимъ защиту; какъ та, такъ и другая сообразны духу общества; онѣ основываются на томъ законѣ, которой природа напечатлѣла въ нашемъ сердцѣ, и которой выражается двоякимъ образомъ: не дѣлай другимъ того, чего ты самъ отъ нихъ не желаешь; дѣлай для другаго то, чего самъ отъ него желаешь. Вотъ правосудіе и благотворительность.

Благотворительность.

Всякой гражданинъ, всякой человекъ, долженъ съ своей стороны способствовать общественному благу столько, сколько онъ можетъ. Запечатлѣемъ въ умѣ нашемъ сію мысль, что природа соединила насъ общею связію, и что всякой человекъ, которой равно-

душень ко всѣмъ прочимъ людямъ, есть чудовище. Ишакъ *благодѣтельность* есть обязанность всеобщая; но она имѣетъ свои правила и постоянный предѣлъ, такъ какъ и всякое дѣло нашей жизни. При сей только шочкѣ должно останавливаться, но должно останавливаться необходимо: кто не дѣлаешь всего того, что можетъ сдѣлать, тотъ погрѣшаетъ противу общества. Кто поступаетъ далѣе, тотъ погрѣшаетъ противъ самаго себя, а часто также и противъ общества. Должно отличать законъ всеобщій, обязывающій насъ быть благодѣтельными, отъ закона частнаго, который, такъ сказать, его ограничиваетъ, и обязываетъ насъ касательно нѣкоторыхъ предметовъ предпочтительно, — каковы суть наши родственники, наши друзья, наши сограждане, тѣ кои предупредили насъ своими услугами или даже готовностію служить намъ: иногда тѣ, кои имѣють большую нужду, иногда тѣ, кои имѣють болѣе заслугъ.

Твердость или мужество.

Твердость есть добродѣтель, которая побораешь правотѣ, и возвышаетъ человѣка надъ спраснями, печалію и страхомъ. Твердость питается и укрѣпляется душевными и тѣлесными упражненіями, основательными разсужденіями о тѣхъ важныхъ истиннахъ, кои научають насъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ смерть есть обязанность; что скорѣе должно рѣшиться на оную, нежели обмануть совѣсть, справедливость, или истинну; что щастіе, достоинство и жизнь суть ничто въ сравненіи съ честью; что въ дѣлахъ человѣческихъ стыдъ есть самое величайшее

зло, и что всякой гражданинъ долженъ жертвовать собою за отечество, если сія жертва необходима. Мы существуемъ для отечества, и всемъ ему обязаны; оно есть средоточіе всѣхъ выгодъ, и связь, которая составляетъ одну силу изъ всѣхъ силъ частныхъ. Истинная твердость состоить не только въ перенесеніи печали, въ презрѣннѣ опасности и смерти, но еще въ пожертвованіи, если нужно, собственною славою, въ исполненіи полезнаго намѣренія несмотря на всѣ трудности и препятствія; наконецъ она состоить въ презрѣннѣ рѣчей невѣжества и зависти. Мужество должно быть соединено съ познаніями, какъ и правосудіе. Ежели оно не имѣетъ правилъ, и ни чѣмъ необуздывается, то это только одна безрасудная дерзость, слѣпая наглость, звѣрская свирѣпость. Повелѣвающіе должны имѣть много хладнокровія, и руководствоваться великими началами, а повинующіеся должны наблюдать строгую подчиненность.

Умѣренность.

Добродѣтель простирающаяся до излишества дѣлается порокомъ. Должно, чтобы умѣренность заключала ее въ своихъ предѣлахъ. Она обуздываетъ страсти, удерживая ихъ стремленіе; она ввѣряетъ разсудку власть, которую онъ долженъ имѣть надъ ними; она изгоняетъ изъ всѣхъ поступковъ человека, какъ изъ его словъ, такъ и изъ дѣяній, дерзость, опрометчивость и смущеніе; она сохраняетъ спокойствіе внутри насъ самихъ, и разгоняетъ мракъ, который бы могъ запылить свѣтъ души нашей. Опытней-то въ особенности зависитъ порядокъ состоящій въ назначеніи побудительной причины всѣхъ на-

шихъ дѣйствій, въ произведеніи каждой вещи въ свое время, въ постановленіи правила и соблюденіи онаго во всѣхъ его послѣдствіяхъ.

Къ умѣренности должно отнести сей блескъ, который приписываютъ добродѣтели, и который мы называемъ *приличиемъ, благопристойностію*.

Благопристойность.

Благопристойность должна находиться вездѣ: въ играхъ, въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, въ занятіяхъ, въ словахъ, въ молчаніи, въ наружномъ видѣ; она имѣетъ отношеніе къ возрасту, ко времени, къ мѣсту, къ обстоятельствамъ. Честность есть ея начало, основаніе и сущность. Правила благопристойности суть: слѣдовать во всемъ разуму и порядку; почитать обыкновенія и нравы общественные, въ особенности соблюдать скромность, которая составляетъ украшеніе самой добродѣтели, цѣнить каждую вещь, что бы не заботиться о ней ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало; избѣгать равнымъ образомъ горделивой пышности и излишней небрежности въ вещахъ, кои служатъ внѣшнимъ украшеніемъ челоука и отличіемъ его достоинства; оставаться каждому при своемъ; не предпринимать того, чего не можешь хорошо сдѣлать; въ семъ отношеніи должно совѣтоваться съ своими силами и способностями, особливо при выборѣ состоянія. Обязанности бывающыя иногда такъ противоположны, что исполняя одну надобно оставить другую. Тогда ихъ должно сравнить, и предпочитать важнѣйшую. На примѣръ: благо общее должно быть предпочитаемо предъ благомъ частнымъ; любовь къ ученію должна уступать нуждамъ состоянія нашихъ родителей, нашихъ дру-

зей и наконецъ всѣхъ тѣхъ, кои спрадаютъ, и ко-
имъ мы можемъ помочь.

Человѣкъ имѣетъ нужды внутреннія и внѣшнія. Онъ сотворенъ для того, чтобы мыслить и позна-
вать; рожденъ для блага, которое есть награда до-
брыхъ дѣяній; — познанія и добродѣтели суть для
него первыя полезныя вещи. Естественное дѣло же-
лать своего возвышенія, и даже, можешь быть, это
есть одна изъ нашихъ обязанностей. Низходишь и
подаваешься назадъ постыдно, если это дѣлается изъ
подлости; можешь быть даже, судя по обстоятель-
ствамъ, постыдно и то, если оставаешься бездѣй-
ственно въ томъ мѣстѣ, гдѣ судьба насъ поставила.
Соревнованіе всегда было похвальнымъ качествомъ,
но должно остерегаться, чтобы оно не сдѣлалось че-
столюбиемъ; оно бываетъ тогда порокомъ, несправед-
ливымъ въ своихъ побудительныхъ причинахъ, и
опаснымъ по средствамъ, кои оно употребляетъ.

Честность.

Средства сіи должны быть подчинены *честности*.
Первое и вѣрнѣйшее изъ всѣхъ состоить въ томъ,
чтобы пріобрѣсти пріязнь отъ людей. Горе тому,
кто старается только заставить ихъ себя бояться!

Пріязнь пріобрѣтаютъ добромъ, которое дѣла-
ютъ другимъ, и добрымъ о себѣ мнѣнемъ. Сіе доб-
рое мнѣніе есть плодъ талантовъ и добродѣтели.
Мы должны судить о полезномъ въ отношеніи къ
намъ самимъ и въ отношеніи къ другимъ людямъ;
люди обязываютъ себя посредствомъ взаимныхъ у-
слугъ; но есть обязанности частныя, соединенныя съ
извѣстными мѣстами. Мы находимъ въ обществѣ
три рода людей, съ коими имѣемъ при главныхъ

отношенія; одни возвышены въ достоинствѣ, и мы имъ обязаны покорностію и повиненіемъ; другіе суть наши подчиненные, и мы должны имъ оказывать покровительство и вспомошествованіе, или по крайней мѣрѣ сіе челоѣколюбивое снисхожденіе, которое не будучи для насъ предосудительно, сближаетъ насъ съ шѣми, отъ которыхъ, кажется, мы наиболѣе удалены, показывая имъ всѣмъ, что мы ихъ не презираемъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ, что мы ихъ почитаемъ за ихъ личныя достоинства; другіе, посланные подлѣ насъ, суть наши равные, и мы должны быть къ нимъ крошечны и ласковы, обращаться безъ принужденія, но учтиво и вѣжливо, быть внимательными, чтобы не оскорбить ихъ грубыми и странными поступками. Иногда должно сравнивать вещи полезныя, такъ какъ сравниваютъ вещи честныя. Въ обоихъ родахъ сравненія должно рѣшить по одному и тому же правилу.

Не должно никогда колебаться между честнымъ и полезнымъ; но можешь случиться, что сперва непримѣчаютъ честности въ какомъ либо дѣлѣ, коего польза видна съ перваго взгляда. Въ семъ то случаѣ должно дѣлать сравненіе честности и выгоды, но такимъ образомъ, дабы оно основывалось на шѣхъ началахъ, что благо частное нераздѣльно отъ блага общаго; что дѣяніе, которымъ одинъ челоѣкъ пользуется на права другаго, противурѣчитъ природѣ болѣе нежели боль и смерть; что вещь постыдная, то есть такая, которая противна познаніямъ разума и чувствамъ чести и совѣсти, никакъ не можешь быть полезна; что нѣтъ ничего постыднѣе, какъ обманъ, хищность, коварство, и наконецъ все, что не заключается въ самомъ точномъ прямодушіи.

Тщень полученный отъ Природы умъ самой живой, самой пронцапельной, способной обнимать всѣ науки и всѣ искусства, всѣ красоты Поеповъ и Ораповъ; щетно украшеніе доставляемое уму чрезъ образованіе высочайшими познаніями Философїи, превозходнѣйшими правилами нравственности, прекраснѣйшими произведеніями Поезїи и Краснорѣчїя; щетны удивительныя шворенїя произведенныя обильнымъ Геніемъ, кои способны наставляшь или очаровывать не только современниковъ, но и позднѣйшее потомство; — всѣ сїи дарованїя, природныя или приобрѣшенныя, будутъ бесполезны, если съ оными не соединены добрыя качества сердца. Должно учиться жить съ людьми, среди которыхъ мы поставлены, не быть опаснымъ или непрїятымъ въ обществѣ, служить своему отечеству со всѣмъ рвенїемъ гражданина, побѣждать насилїе худыхъ склонностей, обуздывать стремленїе страстей, быть прямодушнымъ, справедливымъ и честнымъ по убѣжденїю.

III. Чистота сердца награждается приближеніемъ къ Богу и зрѣніемъ его.

Студента Феодула Соколовскаго.

Если бы и самые непреклонные невѣры вникнули съ надлежащимъ раченіемъ въ Евангельское нравоученіе, то бы и они, не взирая на ожесточеніе сердець своихъ, не могли не почувствовать его божественности, и не могли бы не признать, что между всѣми нравоученіями нѣтъ совершеннѣе, нѣтъ болѣе возвышающаго достоинство человѣка, какъ Евангеліе. Какая вѣтъ совершенства человѣческаго не изображена въ немъ самыми яркими чертами! какой слабости нашей не указанъ самый дѣйствительный и самый крошкѣй способъ къ исправленію! Во всѣхъ притчахъ, во всѣхъ наставленіяхъ Евангельскихъ, блистаетъ единому Богу постижимое свѣденіе сердца человѣческаго. Единому Богу только возможно такое крошкѣе, и вмѣстѣ величественное, внушеніе правилъ добродѣтели! Единъ сердцеѣдецъ могъ утѣшать слабыхъ смертныхъ такими восхитительными, и притомъ несомнѣнными, надеждами! Для доказательства сего я намѣренъ представить здѣсь по изъ Евангельскихъ блаженствъ, которое общеваетъ Спаситель непорочнымъ душамъ: Блаженны чистіи сердцемъ, яко тѣи Бога узрятъ.

Что краше, что любезнѣе, невинности! Что достойнѣе, что сладостнѣе, для непорочности, какъ удовольствіе отъ непрерываемаго зрѣнія Создателя! — Чей взоръ чище взора невинности, какая радость свѣтлѣе и блистательнѣе радости видѣть Бога? Какая душа крошече души невинной; — какая надежда величественнѣе надежды наслаждаться непосредственнымъ зрѣніемъ Всеблагаго? Но можетъ быть восхищительная сія надежда останеся на всегда только надеждою, скажутъ невѣры, коихъ мрачныя души ищутъ всѣхъ способовъ омрачить счастье Христіанина. Отвѣчаю здѣсь на сіе возраженіе надлежащимъ образомъ было бы выходить за предѣлы моего краткаго разсужденія. Сіе требуетъ приведенія всѣхъ доказательствъ о справедливости Священнаго писанія. Почему оставляя оныя, впрочемъ всякому Христіанину извѣстныя, желалъ бы я только представить: какъ свѣтлый и пронизательный взоръ невинности и въ сей жизни видишь Бога успѣшнѣе другихъ людей. Бренному взору смертныхъ воспящено видѣть Создателя своего якоже есть. По сему видѣть Его въ сей жизни можно только въ Его твореніяхъ, носящихъ на себѣ образъ его; и, мнѣ кажется, тотъ смертный, кто постигаетъ природу лучше другихъ, видишь въ ней и Создателя своего лучше прочихъ. Сіе блаженное спяжаніе просвѣщенія составляетъ отличнѣйшій удѣлъ одной невинности. Одна невинность, будучи свободна отъ своекорыстныхъ замысловъ, можетъ всѣми силами души вникать въ глубину премудрыхъ дѣлъ Зиждителя. Природа открываетъ свои тайнства одному покло вниманію душъ чистыхъ; и сколь мало непорочныхъ испыташелей ея, столь же немного и постигающихъ ея вы-

сокїя совершенства, ея силы и сущность. Порокъ, заглушая спрастями всѣ душевныя силы, содержишь послѣдователей своихъ въ закосненѣлости и бездѣйствїи, или пустой разсѣянности!

По какой части ни возьмемъ Естествоиспытателей, если станемъ взвѣшивать ихъ открытія, то найдемъ, что они шли наравнѣ не только съ успѣхами просвѣщенїя вообще, но и съ состояніемъ чистоты сердечной.

Не по однимъ политическимъ видамъ жрецы и пустынники были первыми и единственными изслѣдователями силъ природы почти у всѣхъ древнихъ народовъ; но болѣе по причинѣ непорочной жизни своей. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ сектъ древнихъ мудрецовъ не та ли наиболѣе отличалась благодѣтельными открытіями, которая строже прочихъ соблюдала чистоту нравовъ и святость жизни! Такъ — благодатные Стоики на васъ только и подобныхъ вамъ въ языческой древности изливалось благословенїе небесъ! Ваши одни умствованїя отличаются безсмертными Генїями Сократовъ, Платоновъ, Пифагоровъ, Филолаевъ, Цицероновъ. Но оставивъ древность припомнимъ Коперника, Галилея, Невтона. Не отличаются ли сїи великіе Генїи въ равной степени какъ глубокими свѣденїями природы, такъ и невинною жизнїю своею. Вотъ какимъ образомъ невинность наслаждается и въ сей жизни усмащиванїемъ Создателя своего въ зеркалѣ природы! Вотъ какъ чистота сердца служишь основанїемъ необыкновенной проницательности ведущей къ постиженїю ея таинствъ, законовъ разсудка, и незыблемости нравственныхъ правилъ.

---

*IV. Историческій взглядъ на Россію
отъ покоренія оной Батыемъ, до
славной побѣды Димитрія Донскаго
надъ Мамаемъ съ 1240 до 1380 года.*

(Продолженіе).

Студента Склабовскаго.

Въ прошедшемъ году, — въ это самое время и на этомъ самомъ, священномъ для меня, мѣстѣ — я имѣлъ счастье читать начало обзорнія Россіи отъ основанія Монархіи до ея поработенія Тапарами. Сколь ни скудна была матерія сама по себѣ, а еще болѣе даръ слова употребленный мною при изложеніи простыхъ, всѣмъ извѣстныхъ, происшествій; несмотря на то нѣкоторые изъ почтеннѣйшихъ моихъ Наставниковъ и Посѣтителей выслушали меня съ терпѣніемъ и — къ довершенію удовольствія моего — слабый трудъ мой наградили многозначущею, лестнѣйшею для меня похвалою! . . . Ободренный оною! я осмѣливаюсь представить теперь продолженіе того же обзорнія, ограничиваясь на сей разъ временемъ отъ покоренія Россіи Батыемъ до славной побѣды Димитрія Донскаго надъ Мамаемъ. Время самое несчастное для Россіи! происшествія по большей части самыя непріятныя, мучительныя для сердца

Р
о
л
т
с
г
е
к
в
д
с
в
г
е
л
л

Россіянина и труднѣйшя для предпринимающаго описывать оныя такъ, чтобы начертаніе свое сдѣлать занимательнымъ — по крайней мѣрѣ сноснымъ!.. Приятно было взирать на благоденствующую Россію при Св. Владимірѣ и Вел. Ярославѣ, когда она и гражданскимъ устройствомъ, и степенію образованія, естли не превосходила другія Европ. Державы, по крайней мѣрѣ заслуживала стоять на ряду съ первѣйшими изъ нихъ. Но какое ощущеніе раждается въ душѣ нашей, когда видимъ всю Европу — послѣ крестовыхъ походовъ какъ бы возбужденную отъ тяжкаго сна, нѣсколько столѣтій продолжавшагося, — мало по малу возникающую изъ глубокаго мрака невѣжества и варварства, учреждающую Университеты и другія учебныя заведенія, дѣлающую новыя открытія, исправляющую гражданскія неустройства, и усовершенствующую часть законодательную по Кодексу Юстиніанову — словомъ, принимающую новый видъ, новый порядокъ вещей, и успѣшное печеніе дѣлъ ученыхъ, гражданскихъ и военныхъ; — какъ между тѣмъ Россія — любезное отечество наше — отступивши, такъ сказать, на нѣсколько степеней назадъ въ своемъ образованіи, спояла неподвижно!.. Будучи угнетена варварами, разперзана внутренними раздорами, обагрена кровію Князей и подданныхъ, она и за то единственно должна благодарить провидѣніе, что не утратила политическаго бытія своего, что не совсѣмъ измѣнилась въ характерѣ, не лишилась всей чистоты своихъ нравовъ и Религіи, которая оставалась единственнымъ утѣшеніемъ въ ея страданіяхъ, и, при всемъ униженіи рабства предковъ нашихъ, возбуждала въ душахъ ихъ нѣкое высокое чувство превосходства надъ ихъ утѣшителя-

ми. — Послѣ сего не дерзновенно ли и не безразсудно ли было бы съ моей стороны надѣяться, приятнымъ, прогательнымъ образомъ занять васъ, Пп. Пп., представленіемъ однѣхъ кровавыхъ сценъ, однихъ ужасовъ и неимовѣрныхъ мученій едва дышущей отчизны! . . . Нѣтъ! я долженъ и того бояться, чтобы не ушомить вашего благосклоннаго вниманія, не наскучить вамъ! . . . Однѣ только — конечно для всѣхъ Рускихъ драгоцѣнныя — имена Св. Александра Невскаго, Св. Михаила Тверскаго, Симеона Гордаго и Димитрія Донскаго, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ продолженіи сего времени, ободряютъ меня въ предпріятіи. Пусть онѣ замѣнятъ недостатокъ той занимательности, каковой всякой читатель или слушатель имѣетъ право ожидать — и даже требовать отъ писателя, кто бы и каковъ бы онъ ни былъ! —

По удаленіи Батыя изъ предѣловъ Россіи, *Ярославъ Владиміровичъ* Князь Новгородскій, братъ несчастнаго Юрія, погибшаго на роковомъ сраженіи при Ситѣ, принялъ шишуль Великаго Князя Влад. — Но какое ужасное зрѣлище представилось взорамъ его, когда онъ прибылъ во Владиміръ! . . . Однѣ развалины опустошенныхъ домовъ и церквей и груды окровавленныхъ тѣлъ, повсюду разбросанныхъ, свидѣтельствовали, что здѣсь недавно процвѣталъ многотрудный городъ — столица Сѣверовосточной Россіи, и что въ немъ былъ Батый съ своею Ордою. . . Много требовалось усилій, присутствія духа и благоразумія, чтобы возобновить разоренный городъ, сдѣлать его хотя нѣсколько похожимъ на человѣческое жилище, собрать разсѣянныхъ, скрывавшихся въ глуши дремучихъ, непроходимыхъ лѣсовъ жителей онаго, ободрить, успокоить ихъ; — и одинъ только

дѣятельный, неутомимый, Ярославъ могъ въ то время сдѣлать это. — Между тѣмъ Батый, по прошествіи двухъ лѣтъ проведенныхъ имъ въ грозномъ спокойствіи; (ибо въ это время одни только полководцы его опустошали южныя страны Россіи, а самъ онъ какъ бы отдыхалъ и собиралъ новыя силы, чтобы грянуть на древнюю Столицу нашу) — вдругъ двинулся къ Кіеву, и облегъ оный со всѣхъ сторонъ. Жители шептались, — но поклялись, до послѣдняго изнеможенія защищать знаменитую Столицу — мать градовъ Россійскихъ, гдѣ почивалъ прахъ Вел. Владиміра и Ярослава, — и употребили все, что только страхъ и неимовѣрное мужество, соединенное съ отчаяніемъ, произвести могутъ. Но это уже было послѣднее храбрости ихъ усиліе, — послѣдній, такъ сказать, вздохъ умирающей свободы... Городъ взятъ; высокія стѣны его, дома, и богатые, великолѣпные, храмы разрушены, сокровища разхищены, жители преданы острію меча. . . . Отсюда Батый, (по совѣщанію Воеводы Кіевскаго Димитрія, коему — какъ я имѣлъ случай упомянуть — изъ уваженія къ отличной храбрости, при защищеніи Кіева оказанной, онъ даровалъ жизнь) — обратился къ горамъ Карпатскимъ; вторгся въ Венгрію; разбилъ Короля Белу; опустошилъ Силезію, Моравію, и съ великимъ множествомъ сокровищъ и плѣнныхъ возвратившись въ Кипчакъ, обнародовалъ строжайшее повелѣніе, чтобы всѣ Рос. Князья, желающіе пользоваться ненарушимо правами своими на владѣніе, явились въ Орду для полученія отъ него утвержденія. . . Горестно вздохнула Россія, почувствовавъ тяжесть оковъ на нее возлагаемыхъ! хладный страхъ, мрачное чувствованіе зависимости — неволи — исполнило безпо-

койствомъ и помлениемъ сердца Князей ея. Но должно было безусловно повиноваться: ударъ былъ неопразимъ! Ярославъ первый получилъ повелѣніе — и первый отправился въ Орду. Его примѣру послѣдовали и другіе Князья, которыхъ сколько страхъ, столько же и грубое невѣжество и крайнѣ безразсудное честолюбіе — быть, подобно Великому Князю, владѣтелями, непосредственно зависящими отъ Хана — побуждало къ сему. — Итакъ съ сего времени Ханъ Кипчакской сдѣлался неограниченнымъ властителемъ и верховнымъ судіею всѣхъ Князей Россійскихъ.

Ярославъ умеръ — какъ многіе утверждаютъ — отъ горестей и нужды, претерпѣнной имъ въ большой Ордѣ чрезъ клеветы какого то Федота Геруковича, Руск. Вельможи; а по свидѣтельству *Карлина*, Посланника Папскаго, онъ отправленъ былъ матерью новаго Хана, въ намѣреніи удобнѣе и прочнѣе утвердить власть Ташаръ надъ Россіею. Но сіе свидѣтельство знаменитый Исторіографъ нашъ отвергаетъ, какъ неосновательное. „Моголы — говоритъ онъ — сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли Князь Владимірской области казаться страшнымъ Монарху, повелѣвающему народами отъ Амура до устья Дунайскаго?“ . . .

Одной храбрости и благоразумію Ярослава, гибкости и вкрадчивости его характера, приписать должно, что Россія спаслась въ то время отъ конечнаго разрушенія. — Тяжело было для честолюбія Князей, послѣ совершенной независимости, самовластія, сдѣлаться данниками кочующихъ варваровъ, преклоняшь выю подъ иго неволи. Но кто хотѣлъ спокой-

но обладать своимъ наслѣдіемъ, потѣ долженъ былъ исполнять сіе, какъ единственный способъ слабыхъ къ умилоспивленію сильнаго! — Одинъ только мужественный *Даніилъ*, Князь или Король Галицкій, хитрый, искусный политикъ, не оказывалъ еще роблаго повиновенія Башюу. Но и онъ, послѣ многократнаго приглашенія со стороны послѣдняго, принужденъ былъ наконецъ ѣхать въ Орду, гдѣ принявъ былъ несравненно съ большею, нежели всѣ другіе Князья Росіи, честью: — даже ему одному только позволено было не проходить сквозь огонь священный и не дѣлать поклоненія истуканамъ! . . . — и хотя онъ выѣхалъ отсюда съ неприятнымъ названіемъ данника Башыева; не смотря однакожь на то, онъ всегда считался болѣе другомъ и союзникомъ его, нежели данникомъ: столько уважалъ его Башый! Скажемъ еще нѣсколько словъ о семъ Даніилѣ. Имѣя великое намѣреніе — избавить по крайней мѣрѣ Южную Росію отъ ига Моголовъ, и видя слабость какъ единоплеменныхъ себѣ Князей, такъ и союзницы своей — Греціи, утѣсняемой тогда Аравіянцами, и раздраемой Крестоносцами, — онъ, внушаемый тонкою и умною политикою своею, вступилъ въ дружескія сношенія съ Папою Иннокентіемъ IV. Извѣстно, какую власть имѣли тогда Намѣстники Св. Петра надъ Государями Западной Европы; дѣйствіемъ сей-то власти Даніилъ надѣялся снискать себѣ сильныхъ союзниковъ — и ударить съ ними на Моголовъ. Папа хотѣлъ — и Даніилъ притворился согласнымъ — принявъ Римско-Католическое исповѣданіе; но требовалъ прежде войскъ. Папа обѣщаль; между тѣмъ предложилъ ему титулъ Короля, и прислалъ корону и другія Королевскія украшенія. По нѣкоторомъ со-

противленіи Даніиль принявъ и по и другое — объявилъ себя Католикомъ. Но какъ Папа не исполнилъ главнаго условія — не убѣдилъ Европейскихъ Католическихъ Государей къ вооруженію противъ Татаръ, то Даніиль, презрѣвши Вапиканскіе громы, прервалъ всѣ сношенія съ Римомъ, и по смерть свою остался вѣрнымъ сыномъ Греческой церкви. — Не теряя надежды рано или поздно избавитъся отъ ига Моголовъ, онъ строилъ новые города и крѣпости; а между тѣмъ усмирять Ямвяговъ и Литву; даже объявилъ войну самымъ Моголамъ и сдѣлалъ уже нѣкошорыя завоеванія; но былъ принужденъ оставить сіе важное предпріятіе — и всѣ его укрѣпленія и города, по требованію разъяренныхъ Татаръ, разрушены и сожжены. Несмотря на сіе, онъ своими какъ воинскими, такъ особенно государственнымими, истинно Царскими добродѣтелями — и подданныхъ своихъ сдѣлалъ счастливейшими въ отношеніи къ прочей Россіи, и заслужилъ почтеніе и уваженіе сосѣднихъ Европ. Государей, для коихъ владѣнія его, въ продолженіи цѣлаго вѣка, составляли надежный оплотъ противу Татарскихъ нападений: самые Ханы уважали владѣтелей Галицкихъ — потомковъ Даніиловыхъ.

Теперь обратимся опять къ Сѣверо-восточной Россіи, которой происшествія несравненно для насъ интереснѣе, хотя и менѣе оспрадныя. . . Кратковременное царствованіе *Святослава Всеволодовича*, вступившаго на Велико-Княжеской Владимірской престолъ по смерти Ярослава II, потомъ *Михаила Ярославича*, отнявшаго насильно у дяди своего Великое Княженіе и вскорѣ убитого Литовцами, возставшими противъ Россіи, — и наконецъ *Андрея Ярославича*, такъ мало, въ отношеніи къ нимъ, занимательно, что

не заслуживаетъ почти и того, чтобы упоминать объ ономъ. Но въ ихъ царствованіе жилъ *Александръ Невскій*; этого уже довольно, чтобы остановиться на немъ. — Еще при жизни отца своего Ярослава II, Александръ, Князь Новгородскій, прославился побѣдами своими надъ сосѣдственными народами: Нѣмецкими рыцарями меченосцами, Шведами, Финнами и Эмью. Мрачная зависть, немогущая сносить ослѣпительнаго блеска чужихъ достоинствъ, поселила въ ихъ сердцахъ опасеніе, что тотъ, кто во всемъ ихъ превосходитъ, можетъ быть для нихъ опаснымъ, — и влекла ихъ къ собственной ихъ гибели. . . Пораженіемъ ихъ при *Ижорѣ*, впадающей въ Неву, Александръ приобрѣлъ лестное названіе *Невскаго*. Зная духъ и характеръ Новгородцевъ — республиканцевъ, можно, кажется, предвидѣть, что Александръ не долго будетъ наслаждаться плодами побѣдъ и славы. Разроемъ великую, наставительную, книгу Истории время давноминувшихъ — время, въ кои знаменитѣйшія въ свѣтѣ республики, Аѳинская и Римская, процвѣтали; — сколько найдемъ въ оной страницъ, на коихъ столь рѣзкими, ненавистными чертами изображена зависть и неблагодарность людей къ своимъ согражданамъ, друзьямъ, спасителямъ! . . . Что было причиною изгнанія изъ отечества *Темистокловъ*, *Мильтиадовъ*, *Камилловъ* и мн. др.? — Пустой страхъ, неосновательное подозрѣніе, что сіи знаменитые мужи, сдѣлавшись столь сильными, работаютъ свое отечество. — Эта же самая, кажется причина и въ Новгородцахъ — вскорѣ послѣ побѣды, одержанной Александромъ при *Ижорѣ* — произвела противъ него возмущеніе, и принудила его удалиться изъ Новгорода. Конечно Новгородъ нельзя

сравнивать ни съ Афинами, ни съ Римомъ, касательно степени образованія народнаго; но гдѣ владычествуешь невѣжество, тамъ спрости буйнѣ, неукропимѣ, — тамъ своевольство необузданнѣ: таковы были Новгородцы. — Но таже самая причина, которая Грековъ и Римлянъ принудила возвратить знаменитыхъ изгнанниковъ и требовать отъ нихъ помощи — таже самая, говорю, причина заставила и Новгородцевъ послать своего Архїепископа и Боярь къ Александру съ убѣдительнѣйшимъ прошенїемъ, чтобы онъ возвратился въ терзаемый внутреннею и вѣншею войною Новгородъ. . . Кто истинно любитъ свое отечество, тотъ не можетъ писать къ нему пагубнаго чувства мщенія, ненависти, — не въ состоянїи желать ему вреда: таковы были всѣ великіе мужи древности; таковъ былъ и *Александръ Невскій*! Онъ прибылъ въ Новгородъ; на многихъ сраженїяхъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ вѣншними врагами; погасилъ внутреннїй раздоръ, и воцарилъ тишину въ Новгородѣ, — миръ и спокойствїе въ сердцахъ Новгородцевъ. —

Сдѣлавшись великимъ Княземъ, Александръ всего себя посвятилъ благу отечества. Никакія препятствїя, никакіе страхи и опасности, не могли отвлекъ его отъ сей благородной, высокой, единственной мѣты. — Изъ многихъ его подвиговъ слѣдующїй особенно примѣчательнъ по важности своей и слѣствїямъ. . . Совсѣмъ неожиданно получено было отъ Хана повелѣнїе, чтобы всѣ Рос. Князья прислали въ Орду войска свои для усиленія Татаръ, отправлявшихся въ походъ. Вся Россїя пришла въ унынїе. Ничего не было ни удивительнаго, ни страннаго, въ семъ требованїи, на которое побѣды дають право надъ по-

коренными народами; — и побѣдители, даже въ новейшія времена, пользуясь иногда симъ *правомъ — сильною*: такъ поступалъ Буонапарте, утѣснитель Европы! — Но для Россіи это казалось тогда слишкомъ новымъ и чрезвычайно опаснымъ: она имѣла, кромѣ Моголовъ, сильныхъ также непріятелей на Сѣверѣ и Западѣ, съ которыми безпрестанно должна была сражаться. Но отпирывая время отъ времени часть войскъ своихъ въ Орду, и такимъ образомъ лишаясь лучшихъ и единственныхъ защитниковъ своихъ со стороны Данчанъ, Шведовъ и Нѣмцовъ, она сдѣлалась бы совершенно открытою для ихъ нападѣй, а можетъ быть, въ короткое время, утратила бы и политическое бытіе свое. . . Одинъ Александръ былъ въ состояніи отвратить сію страшную грозу — и великодушный на все рѣшился. Проживши около года въ Ордѣ, онъ укропиль и гнѣвъ *Берки*, за сдѣланное недавно пораженіе сборщиковъ его, и отклонилъ пребываніе въ разсужденіи служенія Россіянъ въ Татарскихъ войскахъ. Но чего ему это стоило!.. Цѣлый годъ неудовольствій, огорченій со стороны Орды, — помнѣній страха и надежды о успѣхѣ своего предпріятія, объ участи Россіи — столь сильное имѣлъ на него вліяніе, что онъ опасно заболѣлъ, и на возвращномъ пути своемъ во Владиміръ скончался, не достигнувъ онаго. Сколь неприятно встрѣчать въ Исторіи черты неблагодарности, столько же напротивъ отрадно, восхищительно для сердца, находить и малѣйшіе признаки благодарности — небеснаго, святаго чувства. Кто не расстрогаешся душевно, не уронить горячей, безцѣнной, слезы чувствительности на ту страницу жизнеописанія Александра, гдѣ повѣствуется, что когда Митрополитъ Ки-

риаль, жившій тогда во Владимірѣ, услышалъ о кончинѣ его, то въ собраніи Духовенства воскликнулъ: — *солнце отечества закатилось!* . . . не стало *Александра!* . . . и всѣ Россіяне въ ужасѣ и отчаяніи единогласно взывали: *погибаемъ!* . . . Яснѣйшее, неопровергаемое, доказательство добродѣтелей Св. Александра, основанное на любви, обожаніи подданныхъ! — Церковь сопричла его къ лику святыхъ съ присовокупленіемъ имени *Благозвѣрнаго*; Пётръ Великій, въ память побѣды его, построилъ Монастырь на берегу Невы; Екатерина I. учредила въ честь имени его кавалерскій орденъ; а Елисавета сдѣлала для мощей его серебряную раку. Такъ великіе чтятъ память великихъ! . Такъ добродѣтели, при всѣхъ переворотахъ судьбы народовъ и царствъ, возбуждаютъ къ себѣ чувство почтенія и благоговѣнія въ душахъ и самаго отдаленнаго потомства! Дѣла ихъ безсмертны, ибо дѣлю и слѣдствіемъ оныхъ есть благо человечества. Мы доселѣ съ особеннымъ уваженіемъ и чувствомъ произносимъ имена Аристидовъ, Епаминондовъ, Павловъ Эмиліевъ, Сципіоновъ Африканскихъ и др., — и по вѣку, въ которомъ они жили, и по странѣ, гдѣ дѣйствовали, и по поколѣнію, къ которому они принадлежали, — намъ совершенно чуждыхъ. —

Правленіе *Ярослава III.* ознаменовано его слабостію, легкомысліемъ, безразсуднымъ честолюбіемъ и низостію. По вступленіи его на Велико-Княжескій престоль Новгородцы предложили ему довольно унижительныя условія, на которыхъ онъ долженъ считаться ихъ Княземъ; онъ ихъ принялъ; попомъ осмѣлился неоднократно нарушить оныя — и каждый разъ у гордыхъ республиканцевъ принужденъ

быль просить прощенія, обѣщаясь клятвенно впредѣ быть осторожнѣе, благоразумнѣе; наконецъ прибѣгъ даже къ посредству Митрополита. . . Не такъ поступали его предшественники! — Легкомысліе, дерзость и вмѣстѣ слабость духа — суть такіе недостатки владѣтельныхъ особъ, кои ничѣмъ замѣнены быть не могутъ. — Ярославъ, подобно своимъ предшественникамъ, отцу и великому брату, умеръ на возвратномъ пути изъ Орды въ Россію.

Василій Ярославичъ I. извѣстенъ въ нашей Исторіи болѣе по честолюбивымъ требованіямъ своимъ на Новгородъ; избравшій Княземъ своимъ не его, а Дмитрія Александровича Переславскаго, и по произведеннымъ, въ опмщеніе за сіе, ужаснымъ опустошеніямъ внутри своего опечесства, — нежели по пользѣ, какую бы онъ долженъ былъ и могъ сдѣлать для Россіи; какъ глава оной. Онъ первый изъ Великихъ Князей Россійскихъ вмѣстѣ съ другими Князьями сопровождалъ Хана въ походъ противъ Литвы.

Въ 18 лѣтнее правленіе *Дмитрія Александровича* Россія ужаснѣйшимъ образомъ терзаема была внутренними раздорами Князей своихъ: главною причиною сего было непомѣрное честолюбіе Велико-княжескаго брата. Злобный сынъ великаго отца, негодная вѣтвь прекраснѣйшаго дерева — *Андрей Александровичъ*, захотѣлъ лишить брата своего Дмитрія престола, сдѣлаться Великимъ Княземъ. Указывая путь Моголамъ въ самое сердце опечесства своего, онъ четыре раза раздиралъ, опустошалъ оное! . . . Сколько городовъ, селеній, съ ихъ богатыми церквами разхищено и разрушено! сколько жителей тирански умерщвлено, или опведено въ мучительнѣйшій и самой смерти плѣнъ къ Ордынцамъ! И все

это для удовлетворенія честолюбія одного человека; — и все это для того только, чтобы Андрей сдѣлался Великимъ Княземъ! . .

Раздоры двухъ Великихъ Князей одного и того же Государства породили было и двухъ верховныхъ властителей — тиранновъ Россіи. Димитрій, въ третій разъ принужденный уступить Велико-княжескій престолъ Андрею, удалился къ *Нагаю* — бывшему прежде простымъ полководцемъ Татарскимъ, и потомъ сдѣлавшемуся независимымъ Ханомъ Орды, названной по его имени *Нагайскою* — съ прошеніемъ о помощи, и тѣмъ подаль ему благопріятный случай вмѣшаться во внутреннія дѣла Россіи, и имѣть на оныя такое же вліяніе, какъ и Ханъ Орды Кипчакской. Но сіе недолго продолжалось: ибо Нагай, побѣжденный Ханомъ Тихою, на полѣ битвы оставилъ жизнь, — и владѣніе его соединено съ Капчаккомъ. — Кромѣ сихъ главныхъ возмущеній, въ коихъ болѣе или менѣе участвовали и другіе Князья удѣльные, были еще и частныя, не менѣе пагубныя и жестокія. . .

О свойствахъ и поступкахъ *Андрея*, утвердившагося по смерти Димитрія на Великокняжескомъ престолѣ, довольно уже имѣемъ мы свѣденіе. Что же касается до его царствованія, то оно ни чѣмъ не занимательно. Россія не имѣла особенно большихъ несчастій, раззореній, какъ прежде, но и не могла наслаждаться покоемъ. Безмѣрное властолюбіе Великаго Князя содержало ее въ безпрестанномъ страхѣ и волненіи. Въ его правленіе Митрополитъ Кіевскій *Максимъ*, по причинѣ сильныхъ набѣговъ Татаръ Нагайскихъ на югозападную Россію, перенесъ кафедру Митрополіи изъ Кіева во Владиміръ.

Михаиль II Ярославичъ извѣстенъ въ *Исторіи* особенно своими чрезмѣрными нещастіями, претерпѣнными имъ въ *Ордѣ* по клеветамъ кровожаднаго племянника своего *Юрія Даниловича Московскаго* и *Татарскаго* вельможи *Кавгадыя*. Корыстолюбіе, гордость и властолюбіе неограниченныя *Юрія* были единственными причинами всѣхъ несчастій и страданій *Михаила*. Сгорая желаніемъ достигнуть, какими бы то ни было средствами, *Великокняжескаго* достоинства, и не надѣясь собственными силами принудить неустрашимаго *Михаила* къ уступкѣ ему всего шипла, онъ прибѣгъ къ помощи *Хана*; — и низкимъ ласкательствомъ, подарками, обещаніями и клеветами на *Михаила* въ неповиновеніи его *Ханскимъ* повелѣніямъ и въ оправленіи ядомъ *Калмаки*, *Ханской* сестры, супруги *Юрія* — онъ достигъ того, что несчастный *Михаиль* потребованъ былъ въ *Орду*. . . Учрежденъ судъ изъ подкупленныхъ *Юріемъ* судей, — въ коемъ сверхъ того вѣроломный *Кавгады* былъ и доносителемъ и главнымъ судьей. По двукратномъ самомъ несправедливѣйшемъ и приспрасивѣйшемъ изслѣдованіи *Михаиль* обвиненъ и осужденъ на ужасную, поноснѣйшую смерть. . . Одно воображеніе претерпѣнныхъ имъ мученій и поруганій приводитъ сердце въ содроганіе. . . Не могу не замѣтить здѣсь еще одной черты, отличавшей кровожадную, черную, душу *Юріева*, который глядя на мертвое, разтерзанное тѣло дяди своего, *Св. Спрадальца* (церковь сопричала его къ лику *Св. мучениковъ*) не могъ скрыть адской радости своей, такъ что въ самомъ лютомъ *Кавгадыѣ* возбудилъ тѣмъ противъ себя негодованіе! . . Горестно для сердца встрѣчать въ *Исторіи* народовъ, особенно въ ошечественной, такихъ *Госу-*

дарей, кои, влекомы безразсуднымъ, слѣпымъ честолюбіемъ, не внемлютъ ни гласу вѣры и разсудка, ни стонамъ оскорбленнаго ими чловѣчества, и въ упоеніи страстей своихъ, по развалинамъ отечества и шрупамъ согражданъ, стремятся къ зыбкому проному, обагреному священной, безцѣннѣйшею кровію вѣрныхъ сыновъ отечества! . . . Еще горестнѣе, еще тяжелѣе; вспоминая о томъ, пересказывать другимъ. Но принявши намѣреніе, исторически — хотя кратко — обозрѣвъ Россію, не должно переходить молчаніемъ, упуцать изъ вида, ни одного произшествія имѣющаго вліяніе на судьбу оной; а поступки Государей болѣе всего дѣйствуютъ на состояніе Государства. Несчастенъ народъ имѣющій худыхъ Правителей! жалокъ и писатель предпринимающій описывать ихъ дѣянія! . . .

И такъ Юрій достигъ своей цѣли: умертвилъ дядю — и обагреными священной кровію руками принялъ бразды правленія! Но онъ недолго наслаждался плодами своихъ злодѣйствъ; ибо въ непродолжительномъ времени былъ потребованъ въ Орду къ ошвѣту противъ доносовъ Князя Тверскаго *Димитрія Михайловича*, который обвинялъ его въ неправоильномъ присвоеніи 2,000, руб. взятыхъ съ него для доставленія въ Орду. — Тамъ, — при взглядѣ на мѣсто мученій несчастнѣйшаго отца своего и на виновника оныхъ, — въ пылкой душѣ Димитрія воспикѣлъ столь люшый ядъ мщенія, что онъ, немогиши управляя собою, пронзилъ мечемъ злодѣйское сердце Юрія! . . . Но за сей самовольной поступокъ и самъ, по Ханскому повелѣнію, лишень жизни. —

Въ продолженіе сего времени Югозападная часть Россіи опшоржена была *Гедиминоль*, Великимъ Кня

земь Липовскимъ, сильнымъ и мужественнымъ Государемъ, коего и самая Орда не смѣла раздражать. Окончивши продолжительныя и трудныя войны съ Пруссією, Лифляндією и Польшею, онъ обратился на Россію, чтобы отмстить Князьямъ ея за опустошенія въ разныя времена причиненныя ими Липвѣ; напалъ на Владиміръ (Волынскій), завоевалъ всю Волынію и Луцкое Княжество; потомъ подступилъ къ Кіеву; разбилъ Князей Южной Россіи, соединившихъ силы свои съ Ташарскими войсками, и безпрепятственно овладѣлъ Кіевомъ. Будучи сколько храбръ, столько и благоразумень, онъ почтилъ вѣру побѣжденныхъ, не принуждалъ ихъ совѣсти никакими средствами, и хотя самъ былъ язычникъ, но надъ ними поставилъ правителемъ племянника своего, Князя Голштинскаго *Миндова*, исповѣдующаго Греческую вѣру. Такимъ образомъ сія древняя Столица всей Россіи, колыбель славы и могущества ея, подпала подъ иго чуждой власти; но за то съ сихъ поръ до нѣкотораго времени она, бывъ защищаема отъ набѣговъ Ташаръ Гедиминомъ, наслаждалась большими благами мира и тишины, нежели вся другая часть Россіи, которую неистовые, хищные, Ордынцы, пользуясь слабостію и внутреннимъ несогласіемъ Князей, терзали немилосердо. . .

По смерти Димитрія Михайловича, Узбекъ объявилъ Великимъ Княземъ Владимірскимъ юнаго брата его *Александра*; хотя въ тоже время искалъ сего достоинства и Московскій Князь Іоаннь Даниловичъ. Кажется, молодость Александра была единственною причиною таковаго предпочтенія; ибо — если вѣрить носившимся тогда слухамъ — Узбекъ, принявши Магомешанской законъ, имѣлъ намѣреніе

ввести оный и въ Россію. . . А незрѣлость лѣтъ, и слѣдовательно ума, Александра казалась ему для сего удобнѣйшею, нежели опытность и благоразуміе Князя Московскаго, и безъ того уже довольно сильнаго. Слухъ эгошъ принялъ видъ достоверности, когда въ слѣдующемъ году племянникъ Узбековъ, Князь Шевкаль, со многими Татарскими вельможами и съ немалымъ числомъ войскъ, прибылъ въ Россію. Тогда всѣ заговорили, что Шевкаль пришелъ (въ Тверь) для того, чтобы, умертвивши Великаго Князя и прочихъ Князей Россійскихъ, возсѣсть на Велико-княжескій престолъ, а вельможамъ своимъ раздать удѣлы; потомъ ввести Магомешанскую вѣру; — что день для произведенія сего важнаго переворота назначень 15 Августа. . . Пылкій Александръ всему повѣрилъ — и 15 день Авгус. былъ днемъ истребленія Шевкала и всѣхъ бывшихъ тогда въ Твери Моголовъ. — Если намѣреніе Узбека и причина пришествія Шевкала въ Россію справедливы; — (ибо нашъ почт. Исторіографъ отвергаетъ оныя, какъ неимѣющія никакого основанія) — то эгошъ день весьма примѣчательнъ для Россіи — и Александръ за такую опрометчивость и рѣшимость свою не укоризнъ, но благодарности потомства, достоинъ. Правда, онъ поступкомъ симъ навлекъ большей части Россіи — особливо Княжеству Тверскому — величайшія бѣдствія; но за то сдѣлался, такъ сказать, спасителемъ православной вѣры предковъ своихъ, и поддержалъ политическое бытіе Россіи. Ибо Ханъ, воспламененный однимъ чувствомъ мщенія, забылъ, какъ кажется, или по крайней мѣрѣ оплохилъ до благоприятнѣйшаго времени исполненіе прежняго своего намѣренія. Когда же Александръ возвратился изъ Лифляндіи — (куда онъ при-

нуждень былъ удалиться отъ Ханскаго преслѣдованія) — во Псковъ; по Узбекъ ни чего уже болѣе въ разсужденіи его не предпринималъ. Очень вѣроятно, что столь сильный покровитель Александровъ, каковъ Гедиминъ, Великій Кн. Липовскій, простудилъ въ немъ желаніе мщенія. . . Въ послѣдствіи времени Александръ получилъ не только прощеніе отъ Узбека, но и нѣкоторую надежду — возвратити Велико-Княжескій престолъ, занимаемый тогда Княземъ Московскимъ Іоанномъ; но сей послѣдній предупредилъ его: отправившись въ Орду, онъ оклеветалъ его предъ Ханомъ. Несчастный Александръ былъ тотчасъ потребованъ — и по повелѣнію Узбека умерщвленъ въ Ордѣ. . . Такова участь мужественныхъ, добрыхъ, благоразумныхъ, но злополучнѣйшихъ Князей Тверскихъ: Св. Михаила и двухъ сыновъ его! . . Таково было состояніе Россіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ гордаго, самовластнаго повелителя ея *Узбека!* Исторія народовъ представляетъ его челоѡколюбивымъ, мудрымъ и правосуднымъ; однакожъ ни одинъ Ханъ, начиная отъ порабощенія Россіи, не сдѣлалъ ей столько зла, не умертвилъ столько Князей ея, сколько онъ! —

По убіеніи Александра *Іоаннъ Даниловичъ* остался единымъ обладателемъ Велико-Княжескаго престола; но онъ не могъ въ полной мѣрѣ насладиться приятностію спокойнаго единовластія, цѣною крови купленнаго. . . Хотя современники не укоряли его въ смерти Александра; но справедливое, безприспращное, потомство никогда не можешь ему простить сего злодѣянія. Цѣль Іоанна была прекрасна: утвердить самодержавіе; — но средства законопреступны, прошивны чистой нравственности и челоѡчеству,—

и, по причинѣ сильнаго влїянїя своего на общественную нравственность, самыя вредныя. Можетъ быть раскаянїе о содѣянномъ ускорило смерть его: онъ умеръ прежде истеченїя двухъ лѣтъ по смерти Александра.

Царствованїе Иоанна Даниловича достойно нашего вниманїя не по ссорамъ его съ Александромъ, обезславившимъ имя его; но по особенному попеченїю о благѣ подданныхъ. Онъ населилъ, распространилъ и украсилъ Москву — и незнатный до селѣ городъ съ сего времени сдѣлался уже Столицею Великихъ Князей Россійскихъ, колыбелью настоящаго величїя и славы Россїи! (въ немъ и Митрополиты утвердили свое мѣстопробыванїе; Феогностъ былъ первый, перенесшїй студа Катедру Митрополїи. Прежде его жилъ тамъ Митроп. Петръ, совѣтникъ въ благихъ дѣлахъ, помощникъ — руководитель Иоанновъ; но пребыванїе его было только временное). — Иоаннъ не имѣлъ отличныхъ блистательныхъ талантовъ Ярослава II, и Св. Александра; но, по свидѣтельству дѣписателей, имѣлъ такїя качества, кои достопащны были для успокоенїя изнуренной Россїи, для излѣченїя, хотя сколько нибудь, глубокихъ ранъ ея, и наконецъ для поддержанїя и укрѣпленїя силъ ея, чтобы съ безсмертнымъ Димитріемъ Донскимъ вооружиться противъ своихъ тирановъ — и разбить ихъ, а съ Иоаннами и совершенно свергнуть съ себя тягостнѣйшее, постыдное, иго Моголовъ. — Онъ былъ также, повидимому, очень милосердъ и благотворителенъ; ибо для вспоможенїя бѣднымъ всегда носилъ съ собою полный денегъ кошелекъ — *калита*, — отъ чего и самъ проименованъ *Калитой*. Неизвѣстно впрочемъ, по внутреннему ли побужденїю сердца и истин-

наго, чистаго, расположенія къ добру и благотворительности онъ дѣлалъ се, — или только по наружности старался таковымъ казаться, чтобы болѣе привлечь къ себѣ сердца подданныхъ, и тѣмъ опяять съ сей стороны всѣ способы у Александра къ полученію обратно Велико-Княжескаго достоинства. Но это — по крайней мѣрѣ для насъ — и не нужно изслѣдывать: добро, оказываемое Государями своимъ подданнымъ, есть, въ отношеніи къ симъ послѣднимъ, всегда добро; а намѣренія ихъ и цѣль дѣйствій подлежатъ суду того, кто опредѣляетъ: *не быть или быть Царемъ!* . . .

Симеонъ Иоанновичъ старался послѣдовать примѣру отца своего во всемъ касающемся до блага подданныхъ. Договоръ, сдѣланный имъ съ братьями на гробѣ родителя при самомъ вступленіи на Велико-Княж. престолъ, подавалъ Россіи несомнѣнную надежду, что она въ его правленіе несладится покоемъ; — однокожь покой сей весьма часто нарушается былъ внутренними раздорами Удѣльныхъ Князей, особливо Тверскихъ, Василія Ивановича съ племянникомъ его Всеволодомъ Александровичемъ; — болѣе же всего войною съ Нѣмцами, съ Олгердомъ, Велик. Кн. Литовскимъ, и съ Магнусомъ Королемъ Шведскимъ, который хотѣлъ оружіемъ принудить Рускихъ къ принятію Римско-Католическаго исповѣданія. Симеонъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ, умеръ отъ моровой язвы, начавшейся въ Кіафѣ и разлившейся съ ужасною лютостію по странамъ всего почти извѣстнаго тогда свѣта. Историки дали ему названіе гордаго, вѣроятно, по благородному честолюбію, коимъ побуждаемый старался онъ важностію своей особы внушить къ себѣ уваженіе Удѣльныхъ

Князей и содержать ихъ во взаимномъ согласіи. Онъ былъ благотворителенъ и правосуденъ; любилъ и покровительствовалъ художества, бывшія тогда еще въ колыбели. При немъ въ первый разъ начали въ Москвѣ отливать колокола и расписывать церкви Рускіе художники: — и этого было уже много по тогдашнему состоянію Россіи! . . . (При немъ также начали употреблять у насъ бумагу вмѣсто пергамена: его духовное завѣщаніе и договоръ съ братьями на ней писаны).

Іоаннъ II. былъ слишкомъ кротокъ, добръ и миролюбивъ; а пошому и немогъ быть хорошимъ Государемъ въ такое время, когда Россія была въ безпрестанномъ волненіи отъ внѣшнихъ войнъ и отъ внутреннихъ раздоровъ Князей ея. — Замѣтимъ одно немаловажное происшествіе при немъ случившееся. — Доселѣ Рос. церковь наслаждалась совершенною тишиною, — и Малая Россія, хотя по политическимъ отношеніямъ принадлежала Липовцамъ, но по духовнымъ дѣламъ подчинена была Владимірской, а потомъ Московской Митрополіи. Въ царствованіе Іоанна II возстали между духовенствомъ несогласія: Митрополитъ Феогностъ, умирая, назначилъ себѣ преемникомъ любимца и ученика своего Алексѣя; но какъ Алексѣй для посвященія своего замедлил явиться въ Константинополь къ Патріарху; то сей, почитая таковую медленность непокорностію къ себѣ, назначилъ и поставилъ Митрополитомъ Россіи нѣкоего Романа. Между тѣмъ и Алексѣй прибылъ въ Константинополь — и былъ также посвященъ. . . И такъ Россійская церковь въ одно и тоже время получила двѣ главы — двухъ начальниковъ, равно сильныхъ. Для прекращенія всѣхъ происшедшихъ отъ се-

го безпорядковъ оба Митрополиша отправились впо-
рично въ Константинополь; и Патрїархъ утвердилъ:
Алексѣя Митрополишомъ Сѣверной Россїи, а Рома-
на Южной. Съ сего времени малая Россїя и по части
духовной совершенно отдѣлилась отъ Великой. —

О царствованїи *Димитрія III Константинови-
ча*, почти ни чего сказать нельзя. Онъ недолго былъ
на Велико-Княжескомъ престолѣ, который частію
противъ воли, частію добровольно, уступилъ 12 лѣт-
нему, незабвенному въ Исторїи Россійской, *Дими-
трію IV Донскому*.

Придемъ въ молчанїи внутреннїя смятенїя и
кровопролитнѣйшія междоусобїя, производившія въ
Ордѣ, и бывшія единственною причиною ослабленїя
оной; умолчимъ также о первыхъ лѣтахъ Государ-
ствованїя Димитрія Іоанновича, которой въ самомъ
еще нѣжномъ возрастѣ обнаружилъ и постоянно
старался привести въ исполненїе великое, спаситель-
ное для Россїи намѣренїе: утвердить въ ней едино-
державїе, безъ коего она никогда бы не могла наслаж-
даться спокойствїемъ, свободою, счастїемъ; также —
о несогласїяхъ его съ сильнѣйшими тогда Князьями,
Михаиломъ Тверскимъ, и Олегомъ Рязанскимъ; — о
грабительствахъ Новгородскихъ разбойниковъ, опу-
стошавшихъ приволжскїя мѣста; — наконецъ о
Митаѣ, который былъ любимцемъ, духовникомъ и
хранителемъ печати Великаго Князя, — попомъ Ар-
химандритомъ, и на пуши своемъ въ Константи-
нополь — для посвященїя себя въ Митрополишу —
скоропостижно скончался. . . Хотя все это не безъ
занимательности; но ни время, ни обстоятельство
не позволяютъ входить во всѣ подробности. И такъ
приступимъ къ главному происшествїю — къ важ-

нѣйшей эпохѣ государстванія Димитрія Иоанновича, имѣвшей весьма великое вліяніе на состояніе отечества нашего, на духъ потомства незабвенныхъ Героевъ придонскихъ.

Мамай, Князь и предводитель Моголовъ, на мѣсто *Авдула* поставившій Ханомъ Донской Орды нѣкоего *Мамапа*, съ великимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на возрастающую силу и непокорность Димитрія Иоанновича; — когда же услышалъ объ удачномъ походѣ его съ Нижегородскимъ Княземъ на Орду Казанскую, и о страшномъ опустошеніи земли Мордвинской, принадлежавшей Донской Ордѣ; тогда, кипя мщеніемъ и яростію, приказалъ немедленно сравнять съ землею Нижній Новгородъ; а противъ Вел. Князя Московскаго послалъ одного изъ лучшихъ полководцевъ Татарскихъ, Бѣгича, съ сильнымъ войскомъ; но Димитрій Иоанновичъ, предувѣдомленный о томъ, встрѣтилъ Моголовъ при рѣкѣ *Вожѣ*, въ Рязанской области, (11 Авгус. 1378), и совершенно разбилъ ихъ. . . Сія славная побѣда была предвозвѣстницею будущей еще славнѣйшей; она утвердила непримиримую вражду между Вел. Княземъ и Мамаемъ. — Однакожь обезсиленный пораженіемъ Мамай довольствовался на сей разъ однимъ опустошеніемъ Рязанскаго Княженія, и не прежде, какъ уже по прошествіи двухъ лѣтъ, рѣшился испытать силы всей Орды противу силъ всей Россіи, — отмстить ей за пораженіи Бѣгича, и привести ее опять въ такое же состояніе, въ какомъ была она подъ владычествомъ страшнаго Батыея. — И такъ убивши Мамапа, начинавшаго бытъ недовольнымъ его самовластіемъ, Мамай — въ 1380 г. — съ несмѣшнымъ войскомъ придвинулся къ устью Воронежа. . . и здѣсь принялъ

названіе Хана Орды Донской. — Скоро разнесся слухъ по всей Россіи о страшномъ прошивъ ее вооруженіи Моголовъ, и о союзѣ съ ними Олега Рязанскаго и Ягеллона (Ягайла) Литовскаго. . . Всѣ испинные сыны ея спѣшили къ Великому Князю на помощь, проклиная вѣроломнаго Олега, измѣнника отечества. Даже Князья всегда враждовавшіе одинъ прошивъ другаго примирились для защищенія общаго, свяшаго, дѣла. — Здѣсь нѣкоторые Лѣтописцы наши говоря, что Димитрій Іоан. отправилъ любимца своего, молодаго, умнаго и отважнаго *Захарія Тютчева* къ Мамаю съ предложеніемъ мира; но поступокъ пылкаго Тютчева, на возвращномъ пути въ Россію изорвавшаго Ханскую грамоту и приведшаго въ Москву провожаемыхъ своихъ — плѣнными, лишилъ Вел. Князя всей возможности когда либо склонить Мамаю къ миру. (*) И шакъ съ благословеніемъ отъ Игумена Сергія Радонежскаго, исполненнымъ пророчества, съ непоколебимою надеждою на помощь Вышняго, и съ сильнымъ ополченіемъ, однимъ чувствомъ любви къ отечеству одушевленнымъ, онъ выступилъ въ походъ. Замѣчанія достойно, что свободные Новгородцы, по мѣстному положенію толико удаленные отъ Орды, и доселѣ неимѣвшіе ни какого участія въ войнахъ ея съ Россією, нынѣ воспламененные желаніемъ оказать Вел. Князю помощь прошивъ общихъ враговъ — утѣснителей, прислали ему 40,000 отборныхъ воиновъ. Димитрій Іоанновичъ, во время слушанія Липургія въ Коломнѣ, получилъ совсѣмъ нео-

---

(*) О семъ происшествіи знаменитый Исторіографъ нашъ говоритъ въ примѣчаніяхъ на свою Исторію, какъ о нескладной баснѣ; въ самой же Исторіи и имени Тютчева нѣтъ.

жиданно о семъ извѣстіе — и пролилъ теплыя слезы благодарности предъ Единымъ Защитникомъ — Хранителемъ, невидимо помогающимъ! . . . (*) Наконецъ оба воинства сошлись на *Куликовомъ полѣ* (8 Сент. 1380). Сраженіе было ужаснѣйшее, кровопролитнѣйшее — и Рускіе устояли! . . . и надменный врагъ, съ малымъ остаткомъ несмѣшныхъ полчищъ своихъ, посрамленный, поспѣшно обратился въ бѣгство! — Въ сей битвѣ отличился неустрашимостію своею и силою Монахъ *Александръ Пересвѣтъ*, котораго Димитрій Іоан., бывши въ Монастырѣ у Игумена Сергія, взялъ съ собою. Преимущественно же способствовали къ одержанію сей знаменитой побѣды: Князь Владиміръ Андреевичъ, двоюродный братъ Вел. Князя, и Воевода Димитрій Михайловичъ Волынскій, бывшіе съ значною частію отборныхъ воиновъ въ засадѣ. — По сказанію нѣкоторыхъ Лѣтописцевъ, изъ 400,000, или около сего — (Г. Карамзинъ полагаетъ только 150 000) — Рос. войска осталось только 40,000 человекъ. . . столь жестоко, упорно, отчаянно дрались Рускіе; столь дорого купили они побѣду! . . . Но знаменитѣйшая, безсмертная побѣда сія осталась въ то время безъ всякихъ благоприятныхъ послѣдствій для Россіи; ибо вскорѣ послѣ оной *Тахтамышъ*, потомокъ Чингисхана, напавши на Мамаю — собиравшаго послѣднія силы свои, чптобы нанести Россіи рѣшительный ударъ и отмстить ей за стыдъ пораженія своего — побѣдилъ его, и принудилъ бѣжать въ Кафу къ Генуэзцамъ, которыми

(*) “ Объ этой помощи Новгородцевъ Г. Исп. Н. М. Карамзинъ упоминаетъ только въ примѣчаніяхъ на свою Исторію, опровергая впрочемъ достоверность оной.

онъ и былъ тамъ умерщвленъ. Но раздраженный непокорностію Князей Россійскихъ, неявившихся въ Орду для полученія утвердительной грамоты, Тах-шамышь съ побѣдоноснымъ воинствомъ своимъ устремился на Россію; и не столько силою, сколько хитростію и вѣроломствомъ овладѣлъ Москвою. Опустошеніе было ужаснѣйшее! . . . Но опустимъ завѣсу на сію кровавую сцену! Представленіе оной разрушитъ только наше очарованіе, охладитъ чувство, дыханіемъ свободы и надежды воспламененное послѣ придонскаго сраженія. . .

Итакъ мрачная туча, налетѣвшая на Россію отъ Востока, и болѣе полутора вѣка тяготившая надъ нею, въ первый разъ поколебалась, разступилась. . . смертоносные перуны, безпрестанно вырывавшіеся изъ оной, и поражавшіе пренеприятное сердце нашей отчизны, нѣсколько утихли; густая тѣма, окружавшая печальное чело ея, на коемъ напечатлѣны были глубокія черты страданія и скорби, изрѣдилась. . . Сквозь сію грозную мглу, между окровавленными, обезглавленными, расщербанными трупами Великихъ и Удѣльныхъ Князей нашихъ, мало видѣли мы такихъ Государей, кои, при всеобщемъ смятеніи и ужасѣ, умѣли сохранить присутствіе духа, и удачно отвели роковые удары варваровъ, на главу Россіи устремленные. Таковы были: Даніиль Галицкій, Ярославъ II, Св. Александръ Невскій и Симеонъ, хотя не всѣ въ равной степени. Но и они, исключая Даніила, ничего не осмѣливались предпринять противъ грозныхъ Моголовъ для возвращенія своей независимости; все испрашивали, всего достигали одною рабскою покорностію, униженіемъ, лестію, поклонами. . . Димитрій Иоанновичъ IV дерзнулъ первый ис-

пытать неприкосновенность величія и силы Ордынцевъ — и успѣхъ совершеннѣйшій увѣнчалъ его подвиги! . . . Онъ смѣлою, геройскою, рукою сорвалъ съ очей предковъ нашихъ грубую повязку предубѣжденія относительно непобѣдимости враговъ и собственной слабости; показалъ проясненными взорамъ отчизны милый, восхитительный, свѣтъ роднаго яснаго неба, и хотя на минуточку озарилъ ее златымъ лучемъ свободы. Если Россія послѣ при-донскаго сраженія еще нѣсколько времени оставалась подъ игомъ иноплеменниковъ; то по крайней мѣрѣ звѣзда надежды, возженная Димитріемъ, никогда уже предъ нею не угасала. Опытъ показалъ ей, что Моголы не непобѣдимы, что соединенныя силы Князей ея не такъ слабы; что раздѣленіе цѣлаго состава Государства на многія независимыя части столько же пагубно и для враговъ ея, какъ и для ней самой, — и что наконецъ она легко возвратитъ можетъ свою свободу, соединивши опять всѣ части въ одно цѣлое — и утвердивши самодержавіе, какъ то было нѣкогда при Владимірѣ I и Ярославѣ I, и какъ потомъ воспослѣдовало при Великомъ и Грозномъ Иоаннахъ. . .

V. Разсужденіе о движеніи воли и звука.

Студента Байкова.

Все познанія наши о вещественномъ мірѣ основываются на точныхъ и многократныхъ наблюденіяхъ, вѣрныхъ и разнообразныхъ опытахъ, соединенныхъ съ здравымъ сужденіемъ, тонкостію умственныхъ изслѣдываній, и справедливостію заключеній. Толь прудные способы къ достиженію естественныхъ познаній причиною такъ медленнаго приближенія ихъ къ совершенству; и, чѣмъ менѣе занимается человекъ разсмащиваніемъ самыхъ предметовъ, и чѣмъ превращеніе направляется дѣятельность его ума, тѣмъ болѣе познанія сіи уклоняются отъ настоящей своей цѣли.

Поздно начали дѣлать опыты, но еще позже стали прикладывать ихъ къ изъясненію явленій, а тѣмъ болѣе къ открытію всеобщихъ законовъ, управляющихъ явленіями природы. Методическія ученія въ продолженіи XVII столѣтія и первой половины XVIII были весьма несовершенны. Изъясненіе наблюденій, дѣланныхъ надъ природою, основывали на предположеніяхъ, неимѣющихъ никакихъ въ естествѣ доказательствъ, и часто несодержащихъ въ себѣ положительнаго смысла. Мнѣніе Іонической школы о гар-

моніи сферъ, схоластическое отвращеніе природы отъ пустоты, Картезіанскіе вихри, Лейбницовъ спиритійный огонь, и множество другихъ подобныхъ основаній, взятыхъ по произволению, и съ такою же произвольностію прилагаемыхъ къ явленіямъ, ослѣпляя воображеніе, и заглушая разумъ, надолго оставили естественную науку на ложномъ пути, неосновательностію ей проложенномъ. Невтонъ первой словомъ и дѣломъ показалъ, какъ въ семъ предметѣ надежнѣйшимъ образомъ поступать должно. Онъ увѣрившись, что всѣ явленія природы производятся отъ силъ взаимодѣйствія въ тѣла вліянныхъ, не сталъ для изясненія ихъ предполагать какія либо силы по произволению, но основываясь на наблюденіи и опытахъ, при коихъ сіи явленія оказываются, началъ изъ самыхъ дѣйствій при семъ производящихъ опредѣлять законы, коимъ сіи силы повинуются. Едва Невтонова философія возникла въ ученое свѣтѣ, показались Бернулли, Эйлеры, Клероты, Д'Аламберты, кои вошедъ въ путь имъ проложенный, и простираясь по оному далѣе, вездѣ употребляли такую же тонкость, точность, осторожность, словомъ математическій духъ, которой обнаруживъ прежнія заблужденія, ускорилъ твердые шаги естественныхъ наукъ.

Но при таковыхъ блистательныхъ успѣхахъ въ естественныхъ наукахъ, при столь знатныхъ открытіяхъ въ нихъ великими учеными произведенныхъ, большая часть изъ нихъ еще остается почти во младенчествѣ: причиною сего многоразличность дѣйствій силъ природы, кои опредѣлить и подвести подъ всеобщіе законы едвали достанетъ силы ума человѣческаго.

Изслѣдовать, какія приращенія получила каждая часть естественныхъ наукъ отъ многоразличныхъ открытій, учиненныхъ въ позднѣйшія времена, не позволяющъ предѣлы моего о семъ разсужденія; и потому я ограничу себя разсматриваніемъ только опытовъ и сужденій, сдѣланныхъ Бугеромъ, Кондорсепомъ, Боссю, а наипаче Невтономъ и Поассономъ, относительно волнистаго движенія жидкихъ капельныхъ тѣлъ, и разсмотрѣвъ, можно ли сію теорію приложитъ къ изъясненію произхожденія звука. —

Жидкое капельное тѣло находясь въ равновѣсїи въ какой нибудь сифонообразной трубкѣ, и будучи какою ни есть силою приведено въ движеніе, продолжаетъ оное на подобіе качанія маятника, и время употребляемое на совершеніе каждаго изъ сихъ колебаній столь же велико, какое потребно для размаха маятника имѣющаго половину длины столба жидкости въ сифонѣ (*) находящейся.

Поелику волны происходятъ отъ переменнаго возвышенія и пониженія жидкости, шакъ что частичка жидкости, находящаяся на поверхности жидкаго капельнаго тѣла, и имѣвшая наибольшую высоту, занимаетъ потомъ самое низшее мѣсто, то справедливо Невтонъ сравниваетъ съ вышесказаннымъ движеніемъ жидкости въ сифонѣ волненіе жидкой неопредѣленной массы, на поверхности которой какая нибудь частица погружена въ низъ, или возвышена, будетъ (**). Отъ различія сихъ потрясеній волны

(*) См. Newt. phil. nat. Principia Mathematica. lib. 2. propos. XLIV. corol. 2. Физ. Бриссона Т. I. стр. 393. Теорія Кораблестр. стр. 252.

(**) New. Princ. Mathemat. lib. II. propos. XLVI.

могутъ быть различны; но уменьшеніе скорости волнь слѣдуетъ одному и тому же закону, какого бы вида волна ни была. Усобная скорость волнь зависитъ отъ обширности потрясенія. Уменьшеніе высоты волны пропорціонально удаленію отъ центра потрясенія. По мѣрѣ уменьшенія скорости и разстояніе между двумя валами, (считая разстояніе отъ наивысшихъ точекъ), безпрестанно увеличивается, и наконецъ непрерывное распространеніе волны по всему ея протяженію прекращается. Справедливость сихъ законовъ волнистаго движенія капельныхъ жидкихъ тѣлъ подтверждается опытами Веншура, Біома и Поассона, также аналитическими выкладками Лагранжа и Лапласа.

Изъ такового движенія нѣкоторые естествоиспытатели объясняли происхожденіе звука. Но хотя явленіе звука и должно приписать нѣкоторому движенію звучащихъ тѣлъ, но движеніе сіе, какъ по уже думалъ и Невтонъ, есть совсѣмъ отличное отъ движенія волнь; движеніе сіе, называемое качаніемъ, происходитъ отъ ударовъ, рождающихся отъ попеременнаго сжатія и расширенія. Сіе движеніе звучащаго тѣла сообщается слѣдующимъ прилежащимъ къ нему слоямъ по всѣмъ направленіямъ, и образуетъ сферическія одноцентръныя качанія, коихъ радіусы называются лучами звука.

Справедливость сего можно подтвердить слѣдующимъ: 1) При волнахъ бываетъ поступательное движеніе; но мы при самомъ сильномъ звукѣ не замѣчаемъ въ воздухѣ, или въ другомъ какомъ либо звучащемъ тѣлѣ, такового движенія. Странно было бы изьяснять звукъ, слышанный за стѣною, изъ того, что вся стѣна приходитъ въ волненіе; лучше кажеш-

ся положить, что частицы спѣсны отъ упругости, прилнчествующей въ нѣкоторой степени всѣмъ тѣламъ, приходятъ въ попеременное сжатіе и разширеніе, и сообщаютъ оное прилежащему къ нимъ воздуху, которой доводитъ уже звукъ до нашего уха.

2) Допустивъ волнистое движеніе звучащихъ тѣлъ трудно изъяснить узлы качанія, замѣченные Хладнѣемъ, кои показываютъ, что тѣло качается не по всему протяженію, но есть нѣкоторыя точки покоющіяся. Принявши же сжатіе и разширеніе частиць звучащаго тѣла, зависящее отъ упругости, можно аналнпчески опредѣлить мѣсто сихъ узловъ качанія въ звучащемъ тѣлѣ. Рѣшеніе сего предложили знаменнѣйшіе изъ математиковъ Ейлеръ, Лагранжъ, Д'Аламбертъ и Даніиль Бернуллій (*).

3) Перолли изслѣдывая способность проважденія звука въ жидкостяхъ не могъ въ нихъ ни посредствомъ лучшихъ инструментовъ замѣнить волненія, хотя, по словамъ его, распространеніе звука было такъ сильно, что какъ будто бы кто ударялъ въ столь, на которомъ стояла жидкость (**). По сказанному мнѣнію произхожденіе звука во всѣхъ жидкостяхъ можно изъяснить такъ, что жидкости хотя и сильно распространяютъ звукъ, но сжимаются и разширяются могутъ не много, по причинѣ въ малой степени свойственной имъ упругости, какъ то доказали опыты Абиха, Циммермана, Герберша; но усиленіе звука происходитъ отъ заключающагося въ нихъ воздуха, которой съ жидкостями соединенъ такъ тѣсно, что только посредствомъ сильнаго на-

---

(*) Механик. Франкера Ч. II.

(**) Gilber. Ann. der Phys. V. III.

грѣванія оный отдѣлишь можно, какъ то доказы-
ваютъ опыты Парроша.

4) Біотъ стараясь подтвердить исправленное
Лапласомъ предложеніе Невтона для нахождения те-
оретически скорости звука предположивъ таковыя
сжатія и разширенія, и взявши во вниманіе тепло-
ту отдѣляющуюся при сжатіи, которая въ пожь
мгновеніе употребляясь при производящемъ разши-
реніи, и увеличивая чрезъ то упругость воздуха, дѣ-
лаешь его способнѣе къ провозденію звука, нашель, (по
крайней мѣрѣ обратнымъ путемъ), по выкладкѣ по-
правку, зависящую отъ оной теплоты, которая по-
слѣдствія теоріи весьма сблизила съ послѣдствіемъ
опытовъ надъ скоростью звука, дѣланныхъ въ преж-
нія времена Дебури, Маралдѣемъ, Лакалемъ, а въ но-
вѣйшія Кестнеромъ, Маіеромъ и Миллеромъ (*). Изъ-
яснивши такимъ образомъ произхожденіе звука, зай-
мемся разсмащриваніемъ нѣкоторыхъ явленій, раж-
дающихся при распрощраненіи его.

Звукъ отъ тѣла до нашего уха можетъ дости-
гнуть или прямо или чрезъ отраженіе.

Въ первомъ случаѣ звукъ доходитъ къ намъ та-
кимъ образомъ, что звучащее тѣло сообщается свое

(*) По опытамъ ихъ звукъ въ одну секунду проходитъ 1037,6
П. фузовъ, а вычисленія Біота доставили 1000 П. фузовъ;
но Гилбертъ въ своихъ Ann. der Phys. В. III, говоритъ, что
сія разность происходитъ отъ того, что при опытахъ надъ
скоростію звука, кои обыкновенно производятся посредствомъ
трубъ, или другихъ акустическихъ инструментовъ, въ качаніе
воздушные слои приводятся и качаніемъ самаго орудія, чрезъ
что сжатіе и разширеніе воздуха увеличивается и прохожде-
ніе звука чрезъ то ускоряется.

качательное движеніе шѣлу находящемуся съ нимъ въ соприкосновеніи.

Основываясь на учиненныхъ до селѣ опытахъ заключить можно, что всѣ шѣла проводятъ звукъ (*).

Не трудно доказать, что звукъ распространяясь въ какойнибудь средѣ ослабѣваетъ въ содержаніи квадратовъ удаленія отъ звучащаго шѣла, но удивительно, какъ древніе при своихъ театрахъ умѣли избѣгнуть сего свойства, ибо звукъ въ сихъ зданіяхъ въ каждомъ мѣстѣ былъ слышанъ равномерно; но причины сего великіе изъ акустиковъ и вмѣстѣ архитекторовъ Французскихъ объяснить не могли.

При такомъ распространеніи звука, онъ хотя уменьшается въ силѣ, но качество или родъ его не измѣняется. Сіе, впрочемъ трудное для объясненія явленіе, можно полковать такъ: различіе звуковъ зависитъ отъ различія въ началѣ произведенныхъ качаній. По мѣрѣ сообщенія сихъ качаній слѣдующимъ большимъ слоямъ среды, звукъ распространяющей, скорость ихъ уменьшается, такъ какъ движеніе большаго шѣла отъ удара меньшимъ дѣлается медленнѣе сего послѣдняго; но при семъ ослабленіи оныя качанія безпрестанно, хотя часъ отъ часу съ меньшею силою, стремятся удерживать, по закону упруге-

---

(*) Опыты Хладни показываютъ, что твердая шѣла весьма хорошо проводятъ членосоставной голосъ, и потому Бихшнеръ еще въ 1759 году предлагалъ употреблять для слышанія глухимъ, имѣющимъ впрочемъ неповрежденный слуховой нервъ, длинные пружики, держа одинъ конецъ его въ зубахъ. Пружики къ сему преимущественно способны спекляные и фарфоровые. Нѣкоторые говорятъ, что для удобнѣйшаго слышанія пружики лучше приставлять къ верхней челюсти зубовъ, но Винклеръ противъ сего вооружается.

сти, прежній свой видъ, и такимъ образомъ сохраняють неизмѣняемость звука.

Нѣсколько родовъ звуковъ при прохожденіи чрезъ какую нибудь среду всё совокупно проводятся безъ смѣшенія. Меранъ для изъясненія сего принималъ воздухъ состоящимъ изъ множества упругихъ частицъ, соотвѣстственныхъ каждому роду звука. Но кажется сіе происходитъ отъ того, что каждый родъ звука зависить отъ различнаго рода качанія, изъ коихъ каждое отъ начала своего распространяется отдѣльно и свойственнымъ ему образомъ.

Чѣмъ разнороднѣе среда, чрезъ которую распространяется звукъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ измѣненіе его какъ въ силѣ, такъ иногда и въ родѣ. —

Что касается до распространенія звука чрезъ отраженіе, то большая часть физиковъ принимаютъ сію теорію; но Лагранжъ (*) и Ейлеръ (**) доказываютъ, что катафоника въ сущности своей невозможна. По мнѣнію ихъ всё повторенія простаго звука зависятъ отъ того, что сгущеніе и разширеніе воздушныхъ частицъ, и скорость, съ которою каждая частица изъ естественнаго своего положенія движется по весьма малому пространству въ ту и другую сторону, по какимъ нибудь обстоятельствомъ, не могутъ быть такъ единообразны, какъ при обыкновенномъ распространеніи звука. Впрочемъ оставляя сіи тонкія изслѣдованія просто изъ одного закона отраженія всё явленія, происходящія отъ повторенія простаго звука, легко изъяснены быть могутъ.

(*) Recher. sur la natur. et la proport. du son.

(**) De motu aëris in tubis въ 16 том. записокъ Пещерб. Акад.

Музыкальные инструменты и другія акустическія орудія распространяють звукъ не только посредствомъ отраженія, но также и посредствомъ собственнаго качанія: потому то членосоставной голосъ чрезъ таковыя орудія не бываетъ слышанъ въ совершенной чистотѣ, хотя и въ большей силѣ; но ежели стѣны орудія покрыты какимъ нибудь веществомъ, могущимъ уничтожить качаніе стѣны его, на пр. сукномъ и проч., то голосъ бываетъ чище, но за то слабѣе. Отъ таковаго собственнаго качанія стѣны орудія много зависитъ несовершенство говорныхъ и слуховыхъ трубъ, коихъ еще важный недоспашокъ состоить въ томъ, что онѣ каждый посторонній звукъ усиливаютъ въ одинаковой степени, отъ чего происходитъ большая неясность голоса говорящаго. Всѣ изысканія кавалера Морланда и Ламберта не въ состояніи были уничтожить сего несовершенства говорныхъ трубъ; кажется одни только обстоятельныя изслѣдованія органа слуха могутъ быть единственнымъ средствомъ къ дополненію оныхъ недоспашковъ.

И вообще естли бы мы могли точно опредѣлить отправленіе каждой части въ акустическомъ отношеніи нашего уха; естли бы мы совершенно могли объяснить, отъ чего зависитъ та сильная быстрота, и та чрезвычайная вѣрность, съ которою ухо наше препровождаетъ, такъ сказать, до конечныхъ предѣловъ организма, безъ совокупнаго смѣшенія толь до безконечности многоразличные тоны по ихъ силѣ, высотѣ, низкости, скорости и проч. естли бы мы съ достовѣрностію могли открыть, почему ухо наше такъ тонко, такъ живо чувствуетъ различныя содержанія между музыкальными пропорціями

ми; естли бы съ точностію могли показашь, въ какомъ отношеніи прочія чувства находятся къ сему органу, и какое онѣ имѣють вліяніе при дѣйствіи его. Естли бы при томъ справедливо могли истолковашь, какъ способности наши вспомоцествуютъ органу слуха при сужденіи о направленіи звука, фигурѣ и положеніи звучащаго тѣла, то какое бы приращеніе получила чрезъ сіе наука о звукѣ, заслуживающая наше вниманіе какъ занимательностію своего предмета, такъ и чрезвычайною пользою, которую доставляетъ непосредственное оной приложеніе.

VI. Гимнъ Богу.

Студента Алексѣя Карасева.

Пари мой духъ къ предѣламъ міра!

Откройся сердце Богу силь!

Брящай хвалу нестройна лира

Творцу земли, небесъ, свѣшилъ.

Хвали того, кто всей вселенны

Въ рукѣ содержитъ бышіе;

Кого сей видимый міръ, плѣнный,

Не зная чувствуешь въ себѣ! . .

Ты рекъ, о Боже! — и явились
Неизмѣримы небеса!

Несчешны солнцы покапились

Въ лазурны, выпрени края.

Родились въ шверди метеоры,

Заря взошла съ различныхъ странъ;

Ты рекъ! — возвысились горы!

Лишь дхнулъ! — и слился Океанъ! . .

Велѣлъ! — и рѣки заструились
По злачнымъ доламъ и лугамъ;

Равнины, холмы оцвѣтились,

Лѣса явились по горамъ.

И тварей разныхъ милліоны

Наполнили всезримый міръ;

Твои премудры чшуть законы,

Земля и небо и эфиръ!

Ты перстомъ водишь хоры звѣзды!
Лишь маніе — горятъ мѣры;
Речешь! — и свѣпятъ мрачны бездны,
И ледъ даешь съ огнемъ пары.
Речешь! — и цѣпи горъ пространны
Морямъ ярится запретяшь,
И небеса тебѣ подсланны
Свернувшись клубомъ — вмигъ сгоряшь! . .

Тебѣ стихіи всѣ подвластны,
О царь царей! и Богъ Боговъ! . .
Тремятъ ли громы въ нихъ ужасны,
Летитъ ли огонь изъ облаковъ,
Трясутся горы, бьются жилы,
Тобой основанной земли;
Се опечатки, Творчей силы,
Се мощна власть швоей руки!

Ты солнце въ огненну порфиру
Одѣль, — и имъ украсилъ день,
И свѣшь разлилъ имъ по афиру.
Когда же ляжешь ночи тѣнь
На горы, скалы, — и въ ровнинѣ
Лишь упокоятся лѣса,
Луна въ серебряной порфирѣ
Гордась плывешь чрезъ небеса.

Какой порядокъ наблюдаешь
Творецъ въ твореніи своемъ!
Ты ночью день перемѣняешь
И ночь опять смѣняешь днемъ;
Весну смѣняешь знойнымъ лѣтомъ,
А осень хладною зимой;
И время гибельнымъ полетомъ,
Порядокъ не нарушишь швой!

О всемъ созданномъ промышляешь,
Ведешь все къ лучшему концу;
Правдивыхъ щедро награждаешь
Наградой свойственной отцу.
Льешь благоспей своихъ ты рѣки,
И всѣхъ зовешь въ Эдемской садъ;
И недостойны человѣки
Здѣсь не лишаются награды.

Твой лучъ и бѣдны проникаетъ,
И въ нихъ живишь все теплотой;
Въ шемницахъ мрачныхъ освѣщаетъ
Законъ презрѣвшихъ твоей святой;
Творецъ! смягчаешься слезами,
На ихъ мольбы склоняешь слухъ,
И изъ злодѣевъ вновь сынами
Зовешь; крѣпишь упавшихъ духъ! . .

Ты знаешь тайны помышленья
Рабовъ, вельможей и царей;
Тебѣ извѣстны заблужденья
Тобою созданныхъ людей;
Ты вѣдаешь — о вездѣсущій!
Что было, есть, и будетъ впредь. . .
Блажу тебя — о всемогущій!
Среди несчастій, лютыхъ бѣдъ.

Блажу тебя и въ дни блаженны,
Когда о добромъ веселюсь;
Врагиль грозятъ мнѣ разъяренны,
Тебѣ, о Боже! предаюсь. . .
Живу ли въ мѣрѣ семъ мятежномъ,
Благословляю каждый часъ;
На лонѣ смерти неизбѣжномъ,
Къ тебѣ пошлю послѣдній гласъ! . . .

Прости, мой Царь, мой Богъ — Владыка,
Что я дерзнулъ тебя хвалить;
Но шамь. . . гдѣ милость превелика,
Невольно сердце говорить! . . .
Тебѣ природа возсылаеть,
Хвалу въ различныхъ голосахъ,
И повсечасно прославляеть,
Живущаго во всѣхъ мірахъ!

Когдажъ гармонія природы
Гремить по всюду цѣлый вѣкъ,
Когда поюшь земля и воды,
То яль ничтожный человекъ,
Словами, чувствомъ одаренный,
И воскреляемый умомъ,
Явлюсь хвалы Тебѣ лишеннымъ,
Тебя не воспославолю въ нёмъ!

Нѣтъ! — слово есть — и пѣть въ вѣкъ буду
Языкомъ сердца, правоты, —
И въ жизни крапкой не забуду:
Что Богъ, помощникъ — только ты!
Что всѣхъ вещей и дѣлъ начало,
Ты заключить въ себѣ возмогъ
Тебѣ въ жилище — неба мало,
Все зримое твой пронь — Чертогъ.

VII. Кончина мудраго.

Его же.

Не печалься сынъ любезный,
Не печалься обо мнѣ;
Плачь и стоны — бесполезны
Въ сей мятежной сторонѣ;
Я иду въ страну блаженства,
Я иду въ страну отцовъ:
Гдѣ все дышетъ совершенствомъ,
Гдѣ ликуеть Богъ Боговъ;
Гдѣ нѣтъ гордоспи народной
Гдѣ не въ модѣ суета;
Цѣпи зависти природной
Разорвала правота.
Раноль поздноли, но должно
Мнѣ оставишь шумный свѣшь;
Жить здѣсь вѣчно невозможно:
Богъ къ себѣ насъ всѣхъ зоветь.
Онъ зоветь — и по призванье
Онъ назначилъ черезъ смершь;
Я, его руки созданье,
Долженъ смертность претерпѣшь. ..
Не смущайся, сынъ дражайшій!
Не избѣженъ всѣмъ конецъ. . .
Мнѣ лишъ только часъ ближайшій
Предназначилъ днесь Творецъ!
Всѣмъ отверсты мрачны гробы,

Смерть равно на всѣхъ глядишь;
Всѣ сыны земной утробы,
Мать должна и гробомъ быть. . . .
Посмотри — Цари, съ рабами,
И роскошный Сибаритъ
Всѣ идутъ туда толпами, —
Будешь всякъ въ землѣ сокрытъ.
Смерть гнушается слезами,
Дани злата не беретъ;
Не смягчается мольбами
Къ жизни вѣчной всѣхъ ведетъ:
Годы юности безпечной,
Прелесть, нѣжныя красы,
Блескъ опличій скоротечный —
Жертвы сущь ея косы! —
Хладъ по жилалъ ужь спремился,
Чась послѣдній слышу бьетъ;
Сынъ! иди съ отцомъ простишься, —
И прими благой совѣтъ:
Ты ославшись въ мѣрѣ плѣнномъ
Добродѣтель свяпо чти,
И въ юдоли сей плачевной
Въ ней лишь щастье находи.
Вышей власти покоряйся,
Не бѣги за щастьемъ въ слѣдъ;
Въ скорбяхъ, бѣдствіяхъ мужайся;
Мужество ввнецъ даетъ.
Чти законъ, свякую вѣру;
Ближнихъ сердцу почиай;
Слѣдуй крошоси примѣру —
И враговъ своихъ прощай.
Ты увидишь, какъ на свѣтѣ
Трудно щастливымъ прожить;

Истинныхъ друзей въ совѣщѣ
Такъ же трудно находить.
Наша жизнь есть грозно море,
Сонъ минувшій, иль мечта;
Истинна со лжею въ спорѣ,
Терпимъ горе правота.
Жизнь моя когда увянетъ,
Прахъ покроется землею;
То могила намянетъ
Сей совѣщъ тебѣ сынъ мой!
Послѣ мудраго возванья,
Сынъ просился — смерти часъ;
И до сладкаго свиданья
Стихъ отца привѣстный гласъ.

Мудрый смерти не боится,
Благъ всегда его совѣщъ;
Жизнью долгой онъ не льстится,
Въ вѣчношь радостно идетъ.

VIII. Путешественникъ.

Его же.

Путникъ старостью согбенный,
Оставляя край родной,
Путь свершаетъ отдаленный,
Предназначенный судьбой.
Онъ идетъ — мѣста опасны,
Обрѣшаетъ взоръ его:
Бездны, пропасти ужасны
Тамъ зѣяють вокругъ него.
Вдругъ онъ видитъ — за клубились
Тучи грозны въ небесахъ;
Слышишь — съ трескомъ повторились
Громы въ безднахъ и горахъ;
Вьются молнии, тучи рдѣють,
Съ вѣтромъ дождь лѣясь шумишь;
Силы пушника слабѣють —
Путникъ въ ужасѣ дрожишь.
Въ лѣсѣль хочешь приюпитися,
Звѣри рыщутъ передъ нимъ;
Путь заглохшій становишь
По лѣсамъ непроходимъ.
Бури, рѣки и стремнины,
Все препящствуетъ иди,
Рѣдко злачныя долины
Онъ встрѣчаетъ на пути.
Многошрудный путь кончаетъ
Зришь радость на челѣ,

И въ отчизнѣ отдыхаетъ,
Милой сердцу сторонѣ.
Вотъ пупъ жизни скоротечной,
По которому идетъ
Смертный къ жизни безконечной,
Гдѣ его награда ждетъ!
Онъ спокойствія желаетъ
Въ свѣтѣ шумномъ отъ суетъ;
Чтожъ? онъ видитъ — налешаетъ
Туча горестей и бѣдъ! . . .
Зависть — сѣти соплешаетъ,
Чтобъ достойныхъ уловить;
Злоба — цѣпи налагаетъ
Чтобъ невинныхъ стягопить.
Наглость, буйство и раздоры,
Погубить грозятъ его;
А притворной лести взоры,
Рай сулятъ здѣсь для него.
Рѣдко рѣдко проживаетъ
Кто спокойно цѣлой вѣкъ;
Лишь за гробомъ отдыхаетъ
Жертва смерти — человекъ! . . . ?

IX. Г и м н ъ.

Весеннему солнцу.

Студента Склабовскаго.

Суровая зима, въ край удалясь полночной,
Возсѣла между глыбъ, снѣговъ, на льдистый пронь;
Мятели, вьюги, вѣпръ вокругъ царицы мощной!
Не долетаетъ къ намъ ихъ спрашный свистъ и стонъ.
Сѣдая облака небесъ не застилаютъ,
И не бѣлѣетъ снѣгъ въ долинахъ, на поляхъ;
Оковы льдистыя рѣкъ быстрыхъ не стѣсняють:
Свободно льется токъ въ зеленыхъ берегахъ.
Все возраждается: доль въ новомъ одѣянѣ;
Средь муравы цвѣтны возникли на лугахъ,
Раскрыли чашечки и пьютъ весны дыханье,
Качаясь — при зарѣ — на нѣжныхъ стебелькахъ. . .
Лѣса унылые опять помолодѣли,
Одѣлись зеленую, сплели привѣтну сѣнь;
И птички пѣть любовь съ весною прилетѣли;
И пушника зоветь къ себѣ приятна шѣнь.
Тамъ легко вѣтерокъ прохладной повѣваетъ
И тихо шелеститъ листками поколей;
То спелется съ правой, то юный цвѣтъ лобзаетъ,
То вдругъ подернетъ зыбь сребристой чешуей.
И пчелы по лугамъ жужжащими роями
Вокругъ кустарниковъ полнятся молодыхъ,
Иль пышныхъ алыхъ розъ плѣвившихся листками,
Душистой сладкой медь, прильнувъ, сосушь изъ нихъ.

Отъ стадь безчисленныхъ — шумящихъ надъ попокомъ,
На шучной пажими — ожившій спонеть доль:
Тамъ скачешь, пынешь, ржешь на полѣ конь широкомъ;
Здѣсь медленной стопой лѣнивой бродить воль.
А шамъ — вдали — козель, брадашый стадь вожашой,
Сгрызая съ дрьвь кору и съ вѣточекъ листки,
Взбирается на верхъ крупной скалы мохнашой,
Увидѣвъ юные шиповника цвѣтки.
Здѣсь пѣсни паспухи веселы напѣвая,
Жгушь вѣшви дрьвь сухихъ надъ свѣшлюю рѣкой;
Трескучій огонь блещишь въ струяхъ ея, пылая, —
И по лугу, клубясь, ложишься дымъ сѣдой. . .

О солнце, жизнь весны! одно твое явленье,
Твой лучъ природу всю отъ смерти возбудилъ;
Онъ насъ очароваль — и радость, наслажденье,
Въ воспламененную побою душу влилъ!

Изчезните предъ нимъ угрюмы пѣни, смушны,
Туманъ, окинувшій и лугъ, и холмъ, и лѣсь,
Водъ испаренія, правой заросшихъ, мушныхъ!
Да озарить весь мѣрь сей пламенникъ небесь!
Не зашпайте намъ видъ издали чудесный,
Грядями облаковъ вѣнчаныхъ грозныхъ горъ,
На раменахъ своихъ держащихъ сводъ небесный!
Пусть наслаждается нашъ удивленный взоръ
Величественнаго чела ихъ созерцаньемъ: —
Какъ солнце, въ зеркала ихъ льдистыя глядясь,
Блещаетъ радужнымъ, прекраснѣйшимъ сяньемъ!
Какъ быстро лучъ его мелькаетъ, отразясь,
На юной зелени цвѣтущія долины,
На чистомъ хрусталѣ журчаща ручейка! . . .
Неподражаемы изящества картины!
Не смершный создалъ васъ — Превѣчнаго рука! . .

О солнце, царь планетъ, свѣсило всей вселенной,
Ты мраки разогнавъ — чѣмъ царствовать надъ
днемъ —

Встаешь изъ бездны волнъ, какъ *сноль* воспламененный,
Гдѣ каждый класъ горитъ прекраснѣйшимъ огнемъ..
Едва блеснулъ швой лучъ — и моря зыбки волны
Покрылись пламени прозрачною струей,
И свѣтлы небеса зажглись, веселья полны,
И холмы алою одѣлись пеленой!
Раздравъ покровъ ночной, подъ коимъ въ снѣ глубо-

комъ,

Погружена во мракъ, лежала вся земля;
Онъ возбудилъ ее — и восхищеннымъ окомъ
Она съ улыбкою взираетъ на тебя. . .

Огнь жизнедастельный въ дарахъ неисчислимыи!
Ты все одушевилъ: все дышетъ, все живетъ —
Торь на хребтахъ, небесъ въ поляхъ необозримыхъ,
Во глубинѣ лѣсовъ, на днѣ безмѣрныхъ водъ —
Твой раскрываетъ лучъ зародыши расцвѣтнй,
И въ смерти видимой хранишь ихъ бытiе,
Переливаешь жизнь изъ шѣль въ шѣла творенiй:
Во всемъ впечатлѣно могущество твое! . .

Привѣтствую тебя, прекрасное свѣсило!
Благословляю швой блистательный возрашъ!
Ты сердце хладное во мнѣ воспламенило:
Въ немъ чувства всѣ огнемъ желанiя горятъ;
Не угасай во вѣкъ! . . Пусть пламень швой лѣется
Спругами шихими — и все животворитъ;
Духъ разрушенiя тебя да не коснется! . .
Но гдѣ — могущее переменитъ швой видъ? . .
Все измѣняется: годъ, мѣсяць, день, мгновенье
Съ собою въ долъный мiръ иль жизнь, иль смерть не-

сешь. . .

Ты первенецъ земли взирано на рожденье —
Днесъ озаряешь насъ. . . твой не померкнулъ свѣтъ!
Ты, какъ творенья всѣ, съ лѣтами не старѣешь;
Кругъ года совершивъ не падаешь во прахъ;
Но, мнился, съ каждою весною молодѣешь,
И съ каждой льешь зарей блескъ новый въ небесахъ.
Ты зрѣло столько разъ природы обновленье, —
Премѣны дивныя на всемъ лицѣ земли;
И кущей въ города, въ чертоги, превращенье;
Блескъ проновъ, крѣпость царствъ — остатки ихъ
въ пыли! . . .

Народы — какъ ручьи, въ началѣ непримѣнны,
Въ потоки бурные слѣясь стремятся съ скалъ —
Переливались изъ края въ край вселенны,
Опустошая свѣтъ за честь, иль за мещалль. . .
И обезсиленны, утомлены борьбою —
Какъ рѣки раздѣлясь на многи рукава —
Исчезли, времени поглощены волною;
И смолкнула объ нихъ шумѣвшая молва! . . .
Лишь по развалинамъ имперій знаменитыхъ
И по обломкамъ ихъ огромныхъ пирамидъ,
Разрушенныхъ, травой и пернѣемъ покрытыхъ,
Въ вечерней тихій часъ твой тусклый лучъ скользъ
зипть. . .

И тщетно ищешь взоръ сихъ памятниковъ славныхъ,
Тебѣ, какъ божеству, сооруженныхъ въ честь:
Нѣтъ храмовъ, олтарей твоихъ, жрецовъ державныхъ!
Гласъ Пивѣй смолкъ: исчезъ обманъ ихъ, хитросль,
лесть. . .

Но ты живешь еще; и славное печенье
Торжественныхъ небесъ свершая въ высотѣ,
Глядишь на страшное народовъ истребленье,
Не измѣняясь въ блистаньи, въ красотѣ! . .

Къ твоей прикованно блестящей колесницѣ
Не можешь время бѣгъ ея остановить, —
Ни быстрые часы съ минутами, спаницей
Толпящіяся вкругъ, лучей твоихъ затмишь. . .

Но ты, свершивши путь свой, къ западу скло-
нилось;

Твой лучъ холодную волну облобызаль;
Румянымъ блескомъ все пространство водъ покры-
лось;

Прибрежный лѣсъ, огнемъ облишый, запылалъ!
О лучезарное! какъ твой закатъ прекрасенъ!
Какія сладкія намъ въ сердце чувства льетъ!
Прохладенъ воздухъ, чистъ, — и надъ тобою ясенъ,
Подернутый зарей, небесный тихій сводъ.
Тамъ пурпуръ и лазурь, серебро и чисто злато
Прелестнѣйшей для глазъ чертой отиѣнены:
Для юныя зари какой уборъ богашой!
Съ какимъ искусствомъ всѣ цвѣты соединены! . .
Но ты ужъ скрылося. . . и горизонтъ темнѣешь;
И въ новый свѣтъ лучи скользнули за тобой!
Чуть сквозь прозрачну мглу вдали закатъ алѣетъ,
Играя мѣсяца серебряной дугой. . .

Прости, прелестное! въ минуту восхожденья
Заупра, можешь быть, опять узрю тебя,
Живѣйшее Творца міровъ изображенье!
О, какъ распротана тобой душа моя!
Какія мысли въ ней родились возвышенны,
При взглядѣ на востокъ и тихой западъ твой!
Въ ней пламень разлился таинственный, священный;
И окрыленная, сложивъ покровъ земной,
Она къ источнику твореній возлепаетъ;
Свое небесное начало ясно зреть;

Въ ней чувство Божества всѣ силы раскрываетъ —
И изумленная: *я не ничто!* — гласить. . .
Такъ! образъ Бога я — я сынъ Его любимый,
Царь міра дожняго — мнѣ все покорено! . .
Опъ шварей отличилъ меня Непостижимый:
Всѣ смерсны — мнѣ въ удѣль безсмертіе дано! . . .

Х. Къ ручью.

(Изъ Нарушевича.)

Его же.

Прелестный ручеекъ, текущій древь подь сѣбною!
Во многомъ сходень я съ тобой:
Ты къ морю бѣгъ спремешь по одному склоненью:
Я склонностью всегда влекусь одной.

Твое журчаніе мой нѣжно слухъ ласкаетъ;
Ты не шумишь между стремнинъ:
Я грусти полнь — она мнѣ сердце иссушаетъ —
Вдохнуль когда — лишь слышишь Богъ одинъ!

Рѣкъ множество земли на лонѣ пропекаетъ;
Но ты свѣтлѣй, прозрачнѣй, ихъ:
И огонь, кошорый мнѣ въ глубь сердца проникаетъ,
Чистъ, какъ серебро блестящихъ струй твоихъ.

Моряль взволнуешь вихрь — въ дубравѣ тихъ сѣни-
стой —

Веселой льещя ты струей:

И я — коварноель измѣнишь счастье — въ чистой
Лишь совѣсти пріюшь имѣю свой. . .

Склонясь глядитъ Нарциссъ на образъ свой прекрасной,

Любуясь имъ въ своемъ стеклѣ:

И я всего себя въ моемъ зрю сердцѣ ясно,
Но постояннѣй, нежели въ водѣ.

Стремленье водъ твоихъ долинь не потопляетъ;
Но жизнь на нихъ съ прохладой льетъ:
Порывъ моихъ страстей другихъ не увлекаетъ;
Въ словахъ моихъ и въ сердцѣ яду нѣтъ.

Какъ на поверхности, денницей озаренной,
Такъ видно все въ тебѣ на днѣ:
Такъ можно всякому желанье сокровенно
Чашать моей души во глубинѣ. —

XI. Цвѣтокъ.

Его же.

Цвѣтокъ прелестной, голубой,
Развившійся уединенно

Подъ сѣнью тополи густой,
Въ долину тихой отдѣленной!

Какъ миль душѣ твоей скромный видъ!
Какъ жребій твой меня прельщаетъ! . .

Токъ чистый близъ тебя журчишь
И вокругъ прохладу разливаешь.

Головкой нежною склоняясь,
Цвѣтешь ты надъ его струями,

И въ нихъ со стеблемъ отразясь,
Трепещешь въ радости листками. . .

Либимецъ розы — въперокъ
Тебя украдкою ласкаетъ;

Эфирный жигель — мотылёкъ,
Рѣвась, вокругъ тебя порхаетъ:

То на росистомъ шравъ ковръ,
Гдѣ свѣтитъ лучъ златой небесной,

То на прозрачномъ водѣ стеклѣ
Рисуешь образъ свой прелестной. . .

И вдругъ тебя, цвѣточикъ мой,
Обнявши крыльями златыми,

Сливаешь блескъ эмальный свой
Съ листками свѣтло-голубыми.

Когдажъ съ пурпуровыхъ небесъ,
Сквозь легки ушренни шуманы,
Сквозь зелень юную древесъ
Лучь спустится къ тебѣ румяный —

И на листкахъ твоихъ зажжешь
Перловыя Авроры слёзы:

Тогда мой несравненный цвѣтъъ,
Что пышность предъ тобою розы —

И что дружелюбнѣе твоихъ краса,
Со всѣмъ убранствомъ, простотою! . . .

Тебя благія небеса
Одеждой облекли простою; —

Но ты изображенье ихъ:
Ты скромно, какъ онѣ, сіяешь;
Таковъ же цвѣтъъ листковъ твоихъ,
И какъ онѣ, меня плѣняешь.

Цвѣти же дорогой цвѣшокъ,
И взоръ мой усладяй собою,
Пока тебя завистный рокъ
Не пронуль хищною рукою!

Увы! пора твоя пройдетъ —
Подуетъ вѣтеръ полуночи,
И боръ дремучій потрясется,
И дрогнутъ устрашенныя рощи! . . .

Уныло вѣтви зашумятъ;
Твой рушится пріютъ смиренный;
Твои листочки облетятъ;
Изохнеетъ стебель преклоненный! . . .

Но время грозное минетъ —
Изъ праха вновь ты возродишься;

Опять увидишь милый свѣтъ;
Весны дыханьемъ насладишься.

Но возвратятсяль прежнихъ дней
Мои всѣ радости, желанья?

Воскреснуть ли въ душѣ моей
Съ надеждой сладкія мечтанья? . .

Кто муки сердца усладить? . .

Ахъ! можешь быть, цвѣтокъ мой милой,

Тебя день юный озарить

Надъ хладною моею могилой! . . .

XII. Посланіе къ другу . . . К . . .

Студента Петровскаго.

Какой великолѣпной видъ,
Мой другъ! природа намъ являетъ!
Кого она не восхищаетъ,
Когда весна все оживитъ,
И зелень слившись съ цвѣтами
Коверъ разшелетъ на лугахъ,
И ручейки въ своихъ берегахъ
Заблещутъ чистыми струями!
Кого сей видъ не восхищаетъ,
Коль лучезарной Царь небесъ
Сквозь легкій облаковъ завѣсъ
Въ часъ утренній распростираетъ
Пишательны лучи свои
На пробужденную природу,
Восходитъ по небесну своду
И золотитъ поля, ручьи!
Или вечернею порою,
Какъ пламенѣетъ дня закашъ,
Лучи его едва горятъ,
Потомъ сливаются со мглою
И на вершинахъ горъ умрутъ;
И воздухъ чистый и прохладный
И запахъ въ роцѣ ароматный
Вездѣ пріятность разнесутъ;

Въ какомъ тогда очарованьи
Бываемъ мы погружены!
Восторгомъ слова лишены
Стоимъ въ таинственномъ молчаньи.
Или луна какъ изъ за горъ
Спокою робкою восходишь,
И ласковой, свой крошкой, взоръ
На все съ улыбкою возводишь;
Какъ облака полпясь за ней,
То подъ собой ее скрываютъ,
То неожиданно слезаютъ,
И блѣдный ликъ ея свѣтлѣй;
Когда и доли осребряясь,
И отражаются водой
Нависши скалы надъ рѣкой,
И длинны шѣни съ горъ скачются;
О! какъ сей драгоценень часъ!
Какое сердцу восхищенье!
Восторгъ, любовь, благоговѣнье!
Вездѣ картины — и для глазъ —
И для души — неизъяснимы;
Вездѣ величье, красоты,
Всевышней благости черты
Создателя непостижимы.
О другъ! не все жить въ суетахъ;
Но въ часъ ласкающей свободы,
Слѣши въ объятія природы
О нихъ забышь въ своихъ мечтахъ.
Слѣши покоемъ насладиться,
Природы, прелесть созерцать:
Здѣсь можемъ горе забывать
И съ нашей участью мириться.
Слѣши ко мнѣ, мой нѣжный другъ,

Гдѣ я подѣ чистымъ небосклономъ
И гибкой ивы подѣ наклономъ
Увеселяю скорбной духъ!
Природа лучшей нашъ учитель
Хорошихъ мыслей, добрыхъ дѣлъ;
Природа — щастія предѣль,
Природа — горести цѣлишель.
Что счастье въ пышныхъ городахъ,
Гдѣ стеснено благое чувство,
Гдѣ только суеша, искусство,
Гдѣ дружба, вѣрность — на словахъ?
Оно пустое привидѣнье.
И шакъ въ уборѣ золотомъ,
Въ чертогахъ блещущихъ серебромъ,
Всегда и скука и томленье.
Природа учишь познавать
Творца и власть Его святую,
И добродѣтель лишь прямую
Ему съ усердемъ посвящать.
Щастливъ, кто ею наученный,
Смиренно дни свои ведетъ:
Онъ удаленный отъ заботъ,
Не знаешь въ щастіи премѣны.

XIII. Вечерняя звѣзда.

Его же.

Вечерняя звѣзда! подруга тихой ночи,
Кашающаяся наклонною сшезѣй
Межь легкихъ облаковъ по тверди голубой,
Что здѣсь — средь мирной рощи
Плѣняешь швой унылой взоръ?
Ушихло все — и мгла густая
Спустившись съ высоты покрыла цѣпи горъ;
И вѣтры днѣ, съ покорностью внимая
Всеобщей тишинѣ, молчашъ;
И ручейки чуть чуть журчашъ
Сномъ тихимъ усыпленны;
И море улеглось подь кровомъ облаковъ;
И волны бурей ушомленны
Ласкающся у береговъ;
И насккомыхъ рой, носящихся надь мною
На легкихъ крылышкахъ, жужжаніемъ своимъ
Какъ бы зовешъ къ покою;
И все въ молчаніи подь сумракомъ густымъ;
Все сонъ объялъ — сынъ тихой ночи —
И злачныя поля, и молчаливой боръ. . . . .
О лучезарная! что здѣсь — средь мирной рощи
Плѣняешь швой унылой взоръ?
Но ты съ поспѣшностью за горизонтъ капишься;
Послѣдній лучъ на морѣ швой скользитъ!
Какъ волны радостно во кругъ тебя спеклися
И омываютъ швой прелестный видъ,

Блестящія власы, и очи воспламененны!

Но твой шусклѣтъ свѣтъ темнѣй, темнѣй —
И ты сокрылася въ предѣлы отдаленны. . . . .

Прости прелестная! — Пусть огонь души моей

Въ замѣну твоего сіяешь,

Предметы милы представляешь

И все животворить.

Я чувствую, какъ онъ съ волшебной силой

Во мнѣ разлившись горить;

Я зрю: надъ тихою могилой,

Въ покровѣ облачномъ, несется рядъ тѣней

Съ улыбкою небесной,

Безцѣнныхъ для меня, моихъ родныхъ, друзей,

Угасшихъ въ цвѣтѣ лѣтъ съ весною скоротечной,

Я вижу васъ друзья! . . . . . Но сколько перемѣнъ

Мой изумленный взоръ встрѣчаетъ?

. . . . .

. . . . .

Какъ образъ вашъ меня прельщаетъ!

Ахъ! скоро ли удѣлъ мой будешь облегченъ?

Когда соединюся съ вами

О милые друзья?

Вся жизнь печель моя

Тернистыми пушиями!

. . . . .

Но гдѣ опрада — и когда

Мой скорбный духъ покоемъ насладится?

Бышь можешь часъ еще — и жизнь моя зашмихся

Какъ свѣтлая вечерняя звѣзда.

XIV. Весна.

Подражаніе Карамзину.

Студента Трошницкаго.

— о о — о о — о
— о о — о

Тихо зефиры летаютъ
Въ рощахъ пѣнистыхъ,
Чуть чуть колеблюсь на древѣ
Листья зелены.

* * *

Лугъ и долины одѣлись
Новою ризою;
Слышны веселые хоры
Ппичекъ весеннихъ.

* * *

Съ Юга пернатыхъ станицы
Вьются высоко:
Въ воздухѣ мчатся рядами
Южные гости.

* * *

Въ ясно весеннее утро,
Тонкимъ вверхъ дымомъ,
Къ небу лазурному всходяшь
Влажны шуманы.

* * *

Юноша, сидя на скамѣ,
Взоромъ умильнымъ

Прелести ловить весенни,
Радостью дышетъ.

* * *

Красной весной наслаждайся
Юноша милый!

Скоро прекрасна природа,
Скоро увянетъ.

* * *

Осенью все померщветъ:
Хладные вѣтры

Прелестъ покроютъ весенню
Желшой одеждой.

* * *

Такъ и ты, юношь, увянешь:
Радость умчишь

Дряхлая старость укажетъ
Мрачный путь смерти!

XV. Къ Делію.

(Подражаніе Горацію.)

Студента Золотарева.

Сноси въ шerpѣннiи судьбы удары гнѣвной;
При счастья не гордись; все Деліи улещишь;
Мы ничего съ собой въ домъ не возмемъ подземной —
Минушаго для насъ самъ Зевсъ не возврапишь.

* * *

Течеть ли жизнь швоя въ восторгахъ, наслажденьи
Любви и радостей, какъ пихой сладкой сонъ, —
Влачитссяяь средь заботъ въ мучительномъ пом-
леньи —

Всѣ въ жертву смерти ты судьбою обречень.

* * *

Спѣшижь скорѣи шуда, гдѣ тополь горделивый
Съ младою ивою сплели привѣсну сѣнь, —
Гдѣ тихимъ шопотомъ листовъ зефиръ игривый,
Ручей журчаніемъ, наводяшь нѣгу, лѣнь.

* * *

Неси шуда вино — сей даръ Боговъ безцѣнный —
И розы свѣжія прельщающи красой,
И да веселія сопутникъ несравненный
Спыдливая любовь придетъ шуда съ тобой.

* * *

Не упукай минутъ веселья скоропечныхъ,
Доколѣ жизнь швою безсмертныя храняшь;
О Деліи! все минеть. . . и мы съ тобой не вѣчны:
Какъ вихрь, дни, мѣсяцы и годы улещяшь.

* * *

Смотри, какъ времени невидимо печенье
Дни юности швоей въ даль отъ тебя несетъ.
И непримѣтно вѣкъ пройдетъ; какъ сновидѣнье
Исчезнетъ все, чѣмъ здѣсь душа швоя живетъ.

* * *
Ударитъ часъ — прости и сѣнь и лугъ съ спадами,
Гдѣ скромный домикъ швой въ стеклѣ глядится водъ,
Гдѣ величавый Тибръ между береговъ струями
Злашыми кашится — все смерть отъ насъ возметъ.

* * *
Твой рабъ, клянущій жизнь среди прудовъ, спраданья,
И счастья баловень, взлѣблянный судьбой,
Чья жизнь въ веселіи, какъ сонъ очарованья
Течешь — всѣ къ Оркусу придутъ спезей одной.

* * *
Такъ — въ урнѣ жребій нашъ хранится сокровенной;
И Парка мрачная всегда сидитъ надъ ней;
И жребіи беретъ . . . лишь вынетъ чей . . . мгновенно
Харонъ чрезъ мрачный Спиксъ примчится къ намъ съ
ладьей.

XVI. Пѣвецъ.

Его же.

Все тихо — и заря струею золотою
По небу разлилась; и мѣсяць молодой,
Подернуть сумракомъ, какъ тонкой пеленою,
Проглянувши блеснулъ на тверди голубой.

* * *
О сладкой нѣги часъ! . . . весь мѣръ въ очарованьи!
Все свѣтлымъ сумракомъ одѣто тихо спишь;
И тихой блескъ зари и мѣсяца сѣянье
Дубравы сонныя и воды золотить.

* * *
И на берегу ручья подъ наклоненной ивой
Я вижу: съ лирою пѣвецъ сидишь молодой,
Исполненный тоски, задумчивъ, и уныло
Вперивъ на воды взоръ злапимыя зарей,

* * *
Поетъ: „о красный мѣръ! вопще очарованья
Ищу уже въ тебѣ съ увядшею душой;
Одно унылое въ душѣ воспоминанье
О счастье первыхъ лѣтъ осталось со мной.

* * *
Я друга здѣсь имѣлъ, но мракъ могилы пѣсной,
Сокрывъ его на вѣкъ во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ.
Я счастливъ былъ; но чтожь? гдѣ жизни сонъ пре-
лестной?
Теперь съ тоской смотрю на опустѣвшій свѣтъ.

* * *

Разсѣялись мечты лепавшія полпою;
Прелестной жизни сонъ на вѣки оплешѣлъ;
И мѣръ, столь нѣкогда веселый предо мною,
Теперь въ уныніи печальномъ запусѣлъ.

* * *

Гдѣ ты, съ улыбкою манившій, призракъ льстивый,
Надежда, сладкая подруга первыхъ лѣтъ?
Гдѣ ты соупница дней юности игривой,
Веселіе души? теперь уже вась нѣтъ.

* * *

Лишь ты — о! даръ небесъ — задумчивая лира,
Улада жизни сей, осталася со мной;
Лишь ты еще одна мнѣ здѣсь неизмѣнила
И опустѣвшій мѣръ живоизворишь собой.

* * *

О будь же мнѣ всегда подругой неизмѣнной,
И жребій мой швоимъ бряцаньемъ улады;
И вѣкъ минувшаго для сердца столь безцѣнной,
Съ протекшимъ щастіемъ предъ мною оживи!

* * *

Тогда и спутники дней юности щастливой
На швой знакомой гласъ опять слетятъ ко мнѣ;
Опять съ полпой своей безпечной и игривой
Веселье оживешъ минувшее въ душѣ.

* * *

Я буду пѣть съ тобой пошъ край очарованья,
Гдѣ въ нѣгѣ разцвѣла краса моей весны,
Гдѣ первыя въ душѣ проснулись желанья —
Съ надеждой первыя о счастіи мечты.

* * *

Гдѣ все минувшею мнѣ жизнью вѣщаетъ;
Гдѣ прелестъ юности — какъ бы оживлена —
Въ воспоминаніи предъ мною воскресаетъ,
Какъ призракъ сладостный прелестнѣйшаго сна.

* * *

Р Ъ Ч Ъ.

при

Публичномъ Собраніи, въ заключеніе
голичнаго испышанія, въ Екашерино-
дарскомъ училищѣ,

говоренная

Смошришелемъ онаго, закона Божія Учишелемъ,
ученаго общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Харь-
ковскомъ Университетѣ членомъ, Войсковымъ
Протоіереемъ и кавалеромъ Кирилломъ Россин-
скимъ.

1819 года Іюня 30 дня.

С 17667

Р Ъ Ч Ъ

*О томъ, что для благополучія чело-
вѣка нужно съ отрочества воспитыва-
вать его въ страхъ Божіи.*

Человѣкъ до усовершенствованія себя по уму и по сердцу проходитъ четыре эпохи времени: младенчество, отрочество, юношество, мужество; и въ семь послѣднемъ состояніи приоспаивается; въ семь послѣднемъ опносительно душевныхъ способностей долженъ онъ быть, яко самосшоятельное существо, чрезъ всю жизнь свою.

Младенческое состояніе протекаетъ безъ нашего свѣдѣнія: тогда человѣкъ носится, яко слабъ; руководится, яко умо-слѣпъ, предметами, дѣйствующими на слабыя его чувства; развлекается, яко лился къ пониманію.

Отроческій возрастъ обнаруживаетъ человѣческія понятія; — шуть являющя въ человѣкѣ порыванія ко всему приятному; шуть открывающя его самоволіе; шуть примѣчающя его хитрость и разныя склонности!

Юношескія лѣта образуютъ человѣка благовидна и благопривѣтлива, или груба и отвратительна — благонравна и шрудолюбива, или своенравна и самонадѣянна.

Мужественное состояніе являетъ человѣка — по напоеніи его въ младенчествѣ млекою матернимъ, при внушеніи первѣйшихъ понятій отъ родителей, или пѣстуновъ — благочестивыхъ, либо суевѣрныхъ; человѣколюбивыхъ, либо стропотныхъ; по воспитаніи его въ отрочествѣ — подъ надзоромъ, или безъ всякаго страха — отъ учителей благоразумныхъ, либо слѣпопешствующихъ; по возрастѣ въ юношествѣ — съ трудолюбивыми, либо безпечными — со избранными; либо со строптивыми; являетъ — и какъ бы на сцену свѣта выводитъ его. Въ семь состояній человѣкъ самъ себя разумѣть долженъ; въ семь состояній онъ долженъ быть всѣмъ виденъ; въ семь состояній оказываешь онъ — добръ, или золь — благонаравенъ, или строптивъ — благоразуменъ, или разсѣянъ — дѣятеленъ или безпеченъ — благонадеженъ, или опрометчивъ — благочестивъ, или суевѣренъ — добродѣтеленъ или развратенъ.

Изъ сихъ четырехъ состояній возраста человѣческаго, на которое кажется вамъ ПП! ПП! нужнѣе обратишь особенное вниманіе къ усовершенствованію человѣка въ его нравственности и къ образованію его ума и сердца? — на мужественное ли? — въ которомъ человѣкъ опрыгаетъ то, чѣмъ въ младенчествѣ напоенъ; такъ дѣйствуетъ, какъ въ отрочествѣ приученъ; то долженъ пожинаеть, что въ юности посѣялъ. На юношеское ли? въ которомъ первыя понятія человѣческія укрѣпляются, или вольнодумство влечетъ юное сердце по дебрямъ стропотности. — На младенчество ли? — котораго состоянія человѣкъ или вовсе не чувствуешь, или какъ сновидѣніе воображаешь? — или на отрочество? — въ которомъ умъ человѣческій ко всему удобопре-

клонень; въ которомъ первоврѣзавшіяся понятія
оспаются во умъ его до гроба?

По всей справедливости — опроческій воз-
расть — яко въ немъ образуются первыя понятія,
опроческій возрастъ — яко порывистый ко всему, оп-
роческій возрастъ — яко удобопреклонный къ свое-
волю, необходимо нужно сохранить въ невинности,
образованіи, и благовоспитаніи въ страхъ Божіемъ —
для благополучія чловѣка чрезъ всю его жизнь. —
О семъ будетъ мое съ вами Почтеннѣйшіе Слуща-
тели! разсужденіе.

Опроческія лѣша сколь ни удобопреклонны къ
самоволію, столь же оныя способны къ понятію. Опр-
роческая мысль ни чѣмъ еще не занята; она чиста и
удобна къ принятію всего воспрѣчающагося ея во-
ображенію. Опроческія лѣша могутъ уподобиться
глиняному или деревянному сосуду, который чѣмъ
будетъ съ нева напоенъ — столь запахъ сохранитъ
навсегда. Опроческія лѣша подобны младому дерев-
цу, которое согнуть и распрямить можно. Опроче-
скія лѣша подобны воску, который будучи холодень —
твердь, кропокъ и къ дѣлу мало способенъ; изъ ра-
стопленнаго же, что угодно, можно сдѣлать. Опроче-
скія лѣша самоудобнѣйшія къ переимчивости. Въ
младенчествѣ чловѣкъ еще слѣпопшствуетъ; а во
опрочествѣ начинаешь понимать яснѣе, и разнообраз-
ностями предмѣповъ любопытшвовать. Самое любо-
пытство, свойственное всякому опроку, влечетъ его
къ обогащенію свободнаго, ни чѣмъ еще не ошго-
щеннаго, ни чѣмъ не пошемненнаго, ума его: спойшь
только дашь оному направленіе, спойшь только ош-
вратишь опрока ош разсѣянности и приучишь его
ко вниманію. Его сердце подобно земль, способ-

принимать сѣмена: спойить только удобрить оное
благоразуміемъ, и повергнуть въ оное сѣмена благо-
нравія и добродѣтели, сѣмена благочестія и страха
Божія: во отроческихъ лѣтахъ; единожды что либо
подѣйствовавшее на понятія человѣческія, остается
въ памяти его на цѣлую жизнь. Позвольте III. слу-
шатели! спросить васъ самихъ: что сильнѣе, что
глубже врѣзалось въ памяти вашей? — то ли, что
вы въ юности видѣли и слышали? — или то, что въ отроческихъ лѣтахъ вамъ случа-
лось? —

Въ отрочествѣ приучившійся порядочному вни-
манію бываешь — въ юности благоуспѣшенъ, въ му-
жествѣ исполнителенъ, въ старости основателенъ;
а непріучившійся оному, напрошивъ того — въ
юности разсѣянъ, въ мужествѣ опрометчивъ, въ ста-
рости безпамятенъ. Въ отрочествѣ навывшій при-
лѣжанію бываешь — въ юности прудолобивъ, въ му-
жествѣ дѣшателенъ; а ненавышій оному — въ юно-
сти лѣнивъ, въ мужествѣ празднотеленъ, въ старос-
ти безпеченъ. Въ отрочествѣ спяжавшій охоту къ
наукамъ бываешь — въ юности люботелъ, въ му-
жествѣ благоуменъ, въ старости дальновиденъ;
а не спяжавшій оной, — въ юности вольнодумецъ,
въ мужествѣ неблагонадеженъ, въ старости безъ свѣ-
дѣній. — Во дни отрочества воспитанный въ благо-
нравіи бываешь — въ юности скромнъ, въ мужествѣ
обходителенъ, въ старости честенъ; а не воспи-
танный во ономъ, — въ юности развратенъ, въ муже-
ствѣ неужиточенъ, въ старости шлохотивъ. Въ от-
рочествѣ пріученный къ трудамъ, искусствамъ, или ху-
дожествамъ бываешь — въ юности занимателенъ, въ
мужествѣ общеплезенъ, въ старости нуженъ; а не

наученный ни чему — въ юности вѣтренъ, въ мужествѣ рабъ неключимый, не умѣющій, владѣть и единымъ шаланшомъ; (*) въ старости скученъ, жалѣющій о потерѣ напрасно молодыхъ лѣтъ, умножающій число нищихъ, или съ прискорбіемъ взывающій: „ О! какъ я,, бѣденъ! — (**) копати не могу,, просити спыжуся,,. Въ отрочествѣ напоенный благочестіемъ и страхомъ Божіимъ бываетъ — въ юности вѣренъ, въ мужествѣ добродѣтеленъ, въ старости набоженъ; а безъ того взросшій — въ юности развращенъ, въ мужествѣ изувѣръ, въ старости пагубный злочестивецъ. —

(***) Начало премудрости страхъ Господень. Се первый урокъ для отрока! младенецъ сего непонимаетъ — развѣ по чувственности, а не по разуму — по указаніямъ другихъ, а не по сердцу. Отрокъ ощущаетъ оный первѣ по наружности, потомъ по впечатлѣніямъ, приводящимъ его сердце въ благоговѣніе къ Богу. И сіе благоговѣніе единожды воздѣйствовавшее въ младомъ, непорочномъ, сердцѣ его, остается въ немъ навсегда. Приспѣетъ ли онъ въ юношескій возрастъ, — удерживается онымъ ко укрощенію своего самоволія, къ усовершенствованію своего благонравія, къ безвинному наслажденію приятностию своихъ цвѣтущихъ лѣтъ. Возрастетъ ли въ мужа совершенна, — управляется онымъ къ мирному общежитію, къ вѣрному исправленію своихъ должностей, къ проведенію праведной и цѣломудренной жизни. Достигнетъ ли старости, — назидается онымъ къ всегдашнему возведенію ума и сердца своего горѣ къ Богу — отъ коего жизнь и дыханіе его

(*) Мат. 25, 24. (**) Лук. 16, 5. (***) Пс. 110, 10.

зависитъ; усовершенствуется ко успокоенію совѣсти съ благоупованіемъ на заслуги Спасителя, упѣшающаго: вѣруй въ мя не погибнешь, но имашь живощъ вѣчный (*).

Но естли человекъ въ отрочествѣ не напоенъ страхомъ Божіимъ; естли въ отрочествѣ, ко всему злу порывистомъ, не удержанъ онимъ; естли въ отрочествѣ взросъ безъ наукъ, безъ воспитанія, въ безстрашіи: — тогда юность его естъ — вихрь пыль вращающій — быстротекущая рѣка, оплошомъ не удержимая — огонь всепоядающій; или естественнѣе — воль, невѣдущій ярма своего — свирѣбный конь, коему бродами и уздою челюсти не востягнуты. (**) Естли таковой придетъ въ мужа совершенна; то вмѣсто того, чтобы быть ему совершеннымъ по уму и по сердцу — представляетъ собою одну машину, движущуюся чувственностію: — жизнь для него — провозденіе забавъ и веселостей, или томленіе скукою и досадою. Исправленіе должностей — щомъ времени для полученія наемничей платы. Общежитіе — составленіе компаній, доброй цѣли не имѣющихъ. Домостроительство — корыстолюбіе, любостяженіе всего желательнаго, или и безнужнаго, всякими неправдами и беззаконными лихвами. Религія — для него одна маска, пороки и злодѣянія его прикрывающая. Что же будетъ изъ него въ старости? — онъ будетъ предметъ соблазна: — его страсть ко злу, въ младенчествѣ зародившаяся, во отрочествѣ страхомъ Божіимъ неиспребленная, въ юности возросшая, въ мужествѣ уматорѣвшая, въ старости будетъ непреодоли-

---

(*) Іоан. 3, 15. (**) Пс. 31, 9.

ма; она казала его несмысленнымъ младенцомъ, являла его своевольнымъ отрокомъ, представляла его развратнымъ юношею, избражала его неразумнымъ мужемъ, представила его наконецъ, къ стыду человечества, — злочестивымъ старцомъ. (*) Злочестивымъ — яко нѣсть страха Божія предъ очима его; нѣсть страха, о коемъ Духъ Святой чрезъ пророка Давида говоритъ — говоритъ всѣмъ, а паче къ возбужденію отроковъ: (**) приидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ!

Но гдѣ сему началу премудрости — страху Господню научишься? — ошь родителей ли только въ домѣ? но еснѣли отецъ, по любви своей къ сыну, учащаетъ только раны ему, — по отроку будешь бояться — но больше за грѣхъ, а не за совѣсть; будешь бояться, но удерживаемъ страхомъ рабскимъ, а не сыновнимъ; будешь бояться, но больше по одной чувственности и предъ глазами другихъ, а не всегда по безиредѣльной любви и сердечному благоговѣнію ко Всевѣдцу. Внѣ училища? — но внѣ онаго едвали бывають училища достойныя званія сего. Не болѣе ли видимъ такихъ, кои имѣють въ виду собственныя только выгоды, а не общественную пользу; кои кажется имѣють страхъ Божій, но едвали не при звукѣ только грома и при видѣ молніи; кои бояся потерять свое пристанище и свои выгоды, съ угожденія родителямъ или послабляютъ отроку, или ушверждаютъ его въ равномъ страхѣ, каковъ сами имѣють: ибо сами только читають буквально: „начало премудрости есть страхъ Господень, а сами въ себя не входятъ, есть ли сіе написано на ихъ сердцахъ. Дѣлаешь ли ихъ сей

(*) Пс. 35, 2. (**) Пс. 33, 12.

страхъ мудрыми, добродѣтельными, благочестивыми, щастливыми? и могутъ ли таковыя внушить отроку надлежащія понятія о всемъ томъ, что должно образоватъ его умъ и сердце къ совершенному его благополучію?

Не напрасно **ВЫСОЧАЙШАЯ** власть повсемѣстно учредила и распространяетъ въ любезнѣйшемъ отечествѣ нашемъ училища: въ нихъ-то къ назиданію отроковъ предположено все то, что истинно можетъ служить къ ихъ благополучію на цѣлую ихъ жизнь.

Дабы убо имѣть въ обществѣ — юношей благо- нравныхъ и къ оправленію публичныхъ должностей годныхъ — трудолюбивыхъ, познаніями, честностию, вѣрностию отличныхъ; мужей мудрыхъ, добродѣтельныхъ, дѣятельныхъ, благонамѣренныхъ; спариковъ опытныхъ, назидательныхъ, благочестивыхъ, бого- боязненныхъ — не обходимо нужно ПП! ПП! обра- щать вниманіе на воспитаніе отроковъ въ публич- ныхъ училищахъ, гдѣ преподаются всѣ способы къ ихъ образованію; гдѣ они прямо могутъ научиться страху Божію, гдѣ могутъ научиться бояться Бога не за грѣхъ, но за совѣсть, то есть, не рабски прет- пешать предъ нимъ, но сыновнѣ любить его всѣмъ сердцемъ и всею душою, имѣя къ нему глубочайшее благоговѣніе, вѣдая, что Богъ вездѣ есть, все видитъ, все слышитъ, все знаетъ — не только дѣла, но и намѣренія наши. О! сколь таковой страхъ нуженъ для отрока! таковой страхъ дѣлаетъ человѣка муд- рымъ; таковой страхъ есть дѣйствительность ко усо- вершенствованію его ума и сердца для достиженія истиннаго благополучія.

56758